

Елизавета Дворецкая

A detailed illustration of a man and a woman in a medieval or fantasy setting. The man, on the left, has long brown hair and a beard, wearing a dark, fur-lined tunic with a chainmail skirt. A sword is visible on his back. The woman, on the right, has long blonde hair in a braid and wears a blue tunic. They are both looking off to the side with serious expressions. The background is dark and atmospheric, with some blurred figures in the distance.

Спящее золото.

Книга вторая.

Стражи Медного Леса

Елизавета Алексеевна Дворецкая
Спящее золото. Книга
2: Стражи Медного леса
Серия «Корабль во фьорде», книга 2

Текст предоставлен издательством «Крылов»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164770

Аннотация

С давних времен лежит в кургане золото древнего оборотня, залог силы Квиттингского Севера.

Поспорив с Вигмаром Лисицей, кто из них доблестнее, братья Стролинги вскрыли курган и достали золото. Но при этом наружу был выпущен злобный оборотень. Да и сокровища не принесли грабителям счастья – в ссоре Вигмар убил старшего из братьев Стролингов. Он вынужден бежать, бросив дом, родных и свою возлюбленную Рагну-Гейду, сестру убитого...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	49
Глава 3	79
Глава 4	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Елизавета Дворецкая

Стражи Медного леса

Глава 1

На следующее утро после жертвоприношений Ульвхедин ярл и йомфру Ульврун позвали Эрнольва на соколиную охоту. Больше никого из знатных людей не приглашали, и Эрнольв, хотя и не был приверженцем этой забавы, почти не принятой во Фьялленланде, согласился. Весь вчерашний вечер Ульвхедин, Ульврун и ее муж Ингимунд Рысь о чем-то жарко спорили, запершись в маленьком спальном покое, а теперь, как видно, собирались поделиться с ним своими решениями.

– Тут неподалеку есть отличное место для соколиной охоты, – рассказывал Эрнольву Ульвхедин ярл, когда небольшая дружина выехала за пределы полей тинга. – Фогельсей – Птичий остров. Там можно за один раз набить столько уток, гусей... Сам увидишь.

– Сколько бы их ни было, я благодарен тебе и твоей сестре за приглашение, – ответил Эрнольв. Ему и правда хотелось развеяться, отдохнуть на просторе от толкотни и тесноты усадьбы, где даже в отхожем месте народ толпился с утра и до ночи. – Ваша дружба – большая удача для меня.

— Да?— Ульвхедин ярл посмотрел как-то неоднозначно: то ли обрадованно, то ли настороженно.— Я надеюсь, мы с тобой всегда останемся в дружбе.

Эрнольв наклонил голову в знак согласия. В племени раудов слово Ульвхедина ярла имело не меньший вес, чем слово самого Бьяртмара конунга*, особенно когда речь шла о военном походе. Весь успех того дела, ради которого Эрнольв приехал, зависел от Ульвхедина.

Впрочем, теперь рауды не смогут отказаться от похода. Эрнольву вспомнилась величественная фигура валькирии*, головой достающая до неба, волны ее волос, похожих на закатный свет. «Боги и духи хотят этой войны!— говорила ему когда-то Сольвейг.— Боги возьмут себе духи погибших...» Боги хотят этой войны, потому-то фьялли пылают жадной мести, а рауды уже подсчитывают будущую добычу. И уже никто не остановит эту лавину, рожденную разом в тысячах человеческих душ. Вставать на ее пути — глупо и бессмысленно. Эрнольв по-прежнему не хотел этого похода, но смирился с ним и всей душой желал, чтобы рауды присоединились к нему и тем облегчили участь фьяллей. Весла ударят по воде, мечи загрохочут о щиты, копье столкнется с копьем в полете, и каждый день станет днем гибели десятков и сотен людей...

Эрнольв был отважным человеком, но при мысли об этой грандиозной, губительной, всеокрушающей лавине у него сжималось сердце. Словно в поисках спасения, мысль его

метнулась к дому, к Аскефьорду. Свангерда... Ждет ли она его, думает ли о нем? Эрнольва тянуло домой, но путь туда преграждала неразрешенная загадка: рунный полумесяц по-прежнему казался теплым. Все-таки не зря амулет привел его сюда, в Рауденланд, и Эрнольв не торопился обратно, не получив ответа. Он не мог поверить, что связан с мертвым: когда холодный плеск волны оборвал жизнь Халльмунда, брат это почувствовал. И теперь тайное чувство твердило, что второй полумесяц слышит биение живого сердца. Но ведь Эггбранд сын Кольбьерна убит! Тот рыжий квитт, Вигмар сын Хроара, не похож на лжеца. Значит, после смерти Эггбранда кто-то другой снял золотой амулет с его груди. И у Эрнольва где-то появился уже второй невольный побратим. Но кто? Где теперь его искать?

«У Эггбранда, вероятно, были родичи,— рассуждал Эрнольв, стараясь нащупать хоть какую-то тропинку в этом тумане.— Полумесяц мог взять кто-то из его братьев, сыновей. Наверное, Вигмар знает, где они живут. Можно его расспросить...»

— Вон он, Фогельсей!— прервал размышления голос Ульвехедина ярла.— Видишь, сколько там птицы!

Эрнольв повернул голову к морю: вблизи от берега из воды поднимался скалистый, довольно высокий остров. Все склоны его облепили дикие гуси.

— Странно, что больше никто не охотится здесь,— удивился Эрнольв.— На тинге, наверное, немало людей, уже прикон-

чивших свои запасы.

— Поглядел бы я на того, кто посмеет здесь охотиться!— Ульвхедин ярл усмехнулся.— Взгляни вон туда!

На скалистом выступе красовались две руны, глубоко выбитые в камне и окрашенные в красный цвет. «Одаль» — «Инг». Имущество самого конунга. Эрнольв помолчал: ни в Аскефьорде, ни вообще где-нибудь во Фьялленланде людям не приходило в голову пятнать землю, тело богини Йорд, знаками собственности, как какого-нибудь бычка или жеребца. Ему было неприятно это видеть, но только глупец станет в гостях бранить обычаи хозяев.

— У вас такого не бывает?— проникательно заметила Ульврун.— Значит, ваш конунг намного богаче нашего и может раздавать свое добро всем желающим.

— У фьяллей много земли,— неохотно ответил Эрнольв.— У нас много таких мест, где никто не живет. И конечно, не платит податей, не строит кораблей и не дает людей в войско. Поэтому я не назвал бы нашего конунга слишком богатым. А дичь... Это богатство только на столе. Чтобы она туда попала — нужны человеческие руки.

Эрнольву не слишком хотелось разговаривать со старшей дочерью Бьяртмара. Такая же неугомонная и упрямая, как Ингирид, она отличалась значительно большим умом, а значит, могла быть гораздо опаснее. Эрнольв не любил в женщинах подобных качеств и опять с тайной тоской вспомнил Свангерду.

Позже, когда набитые ловчими соколами гуси уже лежали на прибрежной траве, Ульвхедин ярл велел хирдманам развести костер и поджарить несколько штук. Отойдя подальше, куда не доставал дым от костра, он сел на камень и знаком предложил Эрнольву занять место рядом. Ульврун и Ингимунд, молчаливый человек с умными серыми глазами и рыжеватой маленькой бородкой, с готовностью сели по бокам Ульвхедина и выжидательно посмотрели на Эрнольва.

— Это была хорошая добыча,— сказал Эрнольв, чтобы сделать приятное устроителям охоты. Тем более сам он не особенно отличился, и даже Ульврун повезло гораздо больше него.

— Но это мелочь по сравнению с тем, что ждет нас на Квиттинге, не правда ли?— спросила Ульврун.

— Нам приятно видеть, что наша совместная охота вышла удачной,— заговорил Ульвхедин.— Это знамение от богов, что и вторая охота, на Квиттинге, будет не менее удачной. Ты согласен с нами?

Эрнольв кивнул. Можно подумать, это они приехали уговаривать его воевать вместе, а не наоборот.

— Мы посоветовались и решили,— Ульвхедин бросил быстрый взгляд на сестру и зятя, и те дружно кивнули,— что было бы неплохо еще раз породниться с Торбрандом конунгом.

Эрнольв вскинул брови: надежды Торбранда на успех строились в основном на его родстве с Бьяртмаром.

— Да, мы не забыли, что Торбранд конунг приходится нам

с Ульврун двоюродным братом,— ответил Ульвхедин на его немой вопрос.— Но в бурю никакая веревка не окажется лишней. Мы тут не в гриднице с дружиной и не на тинге. Чем крепче мы будем пристегнуты друг к другу, тем дружнее будем воевать, верно?

— Это все верно,— сказал Эрнольв.— А поскольку мы действительно не в гриднице, скажи попроще, чего вы от меня хотите? У вас есть подходящая девушка в жены Торбранду конунгу? Решать, конечно, будет он, но что-то я не замечал в нем желания снова жениться. И уговорить его на такое дело я не смогу — разве что Хродмар сын Кари. Он-то сможет уговорить его на что угодно...

— Нет, у нас есть невеста не для Торбранда, а для тебя!— сказала Ульврун, едва дав ему закончить.

Эрнольв замер с приоткрытым ртом: ему показалось, что он ослышался.

— Ведь ты — родич Торбранда с отцовской стороны?— продолжала Ульврун.— Между тобой и нами нет кровного родства. А мы бы хотели, чтобы оно появилось. Тогда и войска свои поведем вместе: ты и мы... То есть ты и Ульвхедин.

— Сам понимаешь, на войне и между лучшими друзьями могут возникнуть раздоры из-за добычи,— подхватил Ульвхедин.— Я не желал бы иметь дела с вашим Кольбейном ярлом или с Кари ярлом. А с тобой мы неплохо сталкивались, и у нас не будет случаев обвинить друг друга в нечестном дележе. Мы можем не опасаться предательства, верно? По-

этому и хотим породниться с тобой, поэтому и предлагаем тебе в жены нашу сестру Ингирид.

Эрнольву показалось, что камень, на котором он сидел, тихо тронулся с места и плавно двинулся то ли вверх, то ли вниз, а то и вовсе скользнул в море и теперь весело качается на волнах. Он не мог взять в толк, что ему предлагают в жены Ингирид, на которую он столько лет привыкал смотреть как на сестру. Она и так почти своя... И все же она — дочь конунга раудов. И посторонние люди, которые никого из них не знают, посчитают такой брак разумным и оправданным.

— Подождите,— едва переведя дух, ответил Эрнольв.— Я должен подумать.

Забыв о вежливости, он развернулся и сел на камне спиной к собеседникам. Ульвхедин и Ульврун переглянулись, йомфру быстро задвигала бровями, намекая брату на какие-то ранее высказанные соображения. Ульвхедин в ответ свирепо двинул челюстью, как будто перекусил кого-то пополам. Оба они знали, что Эрнольв не хуже них понимает цену этого решения.

А Эрнольв смотрел на море и думал. В словах Ульвхедина много правды: так много, что кто-нибудь разумный, вроде Асвальда сына Кольбейна, без колебаний бы ответил «да». Но мысль о женитьбе на Ингирид была так горька, что кто-нибудь решительный, вроде Хродмара сына Кари, так же быстро ответил бы «нет». Эрнольва тянуло в обе стороны, и он сжимал зубы, будто боясь разорваться пополам. Инги-

рид! Ингирид, которую он столько лет с трудом терпел в доме, разлуки с которой вся семья ожидала как величайшего блаженства, придется везти назад в Аскефьорд, теперь уже навсегда, и назвать своей женой! А Свангерда? Не он ли обещал любить ее одну и не брать другой жены... да что там обещания! Эрнольв действительно любил ее одну и знал, что будет любить всегда. Отказать! Отказаться от этого «подарка», и пусть Ульвхедин...

Стой. Ульвхедин рассчитывает на его согласие и прямо объяснил, зачем оно ему нужно. Отказать ему – значит обидеть. А Ульвхедин и Ульврун не из тех, кто прощает обиды. На Квиттинг они пойдут, им некуда отступить, но и воевать можно по-разному. И все те беды, о которых вспоминали только что, станут вероятными: и раздоры из-за добычи, и предательство. А если они предложат отвергнутую им Ингирид сыну квиттинского конунга Стюрмира и двинутся на фьяллей все вместе?

Эрнольв смотрел в море. Островной пролив так широк, что берег слэттов отсюда увидеть невозможно. Но он где-то там. Морской Путь велик, и только Один со своего небесного престола может охватить его взглядом. А человек мал и слаб перед необъятным пространством земного мира. Эрнольв, тоскующий о Свангерде, был ничтожен и беспомощен. Но Эрнольв, посланец Торбранда конунга, облеченный доверием целого племени, оказался сильнее.

Он не слишком долго разбирал и раскладывал по местам

свои сумбурные мысли. Знание, как следует поступить, явилось само собой. Зажав в кулаке маленького Эрнольва, готового выть от тоски, другой Эрнольв повернулся к Ульвхедину и просто сказал:

– Я согласен.

– Слава асам*!– воскликнула Ульврун, и у обоих мужчин вырвался вздох облегчения.– Ты поступил как очень умный человек, Эрнольв ярл!– продолжала она, стараясь похвалами укрепить его решение.– Ты, конечно, знаешь Ингирид, но поэтому именно ты и справишься с ней лучше, чем кто-нибудь другой. А о приданом не беспокойся, мы не поскупимся. Да она и сама не упустит своего!

Последние слова Ульврун произнесла сердито: с первого же дня она так невзлюбила сводную сестру, что отдала немалые сокровища, лишь бы от нее избавиться. Пусть Эрнольв везет ее назад, откуда привез, во Фьялленланд, где облака спускаются к вершинам гор, а в горах бродят то ли великаны-недомерки, то ли тролли-переростки, а вернее, смесь той и другой породы, злобные и угрюмые существа самого мерзкого вида. Пусть эта негодная девчонка им и показывает свой нрав!

– Да,– безразлично ответил Эрнольв.– Если не моя мать, то уж Торбранд конунг, я думаю, будет доволен.

«И те бонды*, которые не хотели бросать хозяйства и идти воевать, наверное, смогут спокойно остаться дома!» – подумал он, уже не слушая повеселевшего Ульвхедина.

Да, у Эрнольва было сейчас достаточно много причин для радости. Но почему-то он чувствовал себя так, как будто солнце погасло, море высохло и короткая тропка перед ним ведет прямо в готовый курган.

– А как к моему сватовству отнесется Бьяртмар конунг?– спросил Эрнольв по пути назад.

– Похихикает, пожметя, а потом согласится,– уверенно, с тайным презрением ответила Ульврун. Эрнольв уже заметил, что Бьяртмар конунг не пользовался ни любовью, ни даже почтением своих детей.– Он боится войны, а Ингирид ему уже надоела. Такая забава хороша лишь поначалу. Пусть она едет с тобой назад, он еще пятнадцать лет отлично без нее обойдется. Правда, сама невеста будет не так довольна!

Ульвхедин ярл ухмыльнулся, и Эрнольв улыбнулся углом рта в ответ. Да, Ингирид будет в ярости. Совсем не того она хотела! Эрнольв лучше других знал, что Ингирид любит новоявленного жениха не больше, чем он ее. Сколько раз она дразнила его, насмехалась над безобразием лица, одним взглядом, сколько раз притворно жалела его будущую жену! Посылала свататься к троллихам в Дымную гору! «Голове враг – язык»,– говорил мудрый Один. Может быть, Ингирид сама накликала судьбу своим злоязычием. И Эрнольв мог бы пожалеть дурочку – если бы это несчастье было только ее. Он-то чем прогневал вещих норн? Одно слово – великанши.

Въехав во двор конунговой усадьбы, Эрнольв сразу уви-

дел рыжего квитта, сидевшего на пороге гостевого дома. Взгляды их встретились, и в желтых глазах квитта явственно читался вопрос: может быть, ты хочешь еще о чем-нибудь меня спросить, о Тор щита?

Эрнольв соскочил с коня и подошел к гостевому дому. Он хотел спросить довольно-таки о многом.

— Я так понимаю, у себя дома ты сидишь поблизости от конунга,— вместо приветствия сказал Вигмар, снизу вверх глядя на подходящего Эрнольва.— Это место не слишком тебе подходит.

— Я не задержусь на нем долго,— успокоил его Эрнольв и сел рядом.— Я хочу спросить тебя только об одном: кто стал наследниками Эггбранда сына Кольбьерна?

Теперь Вигмар был готов ко всему и не слишком удивился.

— У него столько родни, что «Перечень Стролингов» потянет на отдельную песнь,— сказал он.— А я не настолько хороший скальд, чтобы длинная песнь получилась не слишком скучной. Может быть, ты просто скажешь, о ком именно хочешь узнать?

— Я и сам не знаю,— вдруг признался Эрнольв.

Ему совсем не хотелось рассказывать обо всем деле этому квитту, но тот держался так спокойно, равнодушно-терпимо, словно не на его родину собралось идти войной племя Эрнольва. Как видно, он и думал так, как говорил: пусть ярлы и конунги считают обиды, а ты здесь один, и я один, и нам

нечего с тобой делить. Эрнольв с трудом мог понять Вигмара: не зря же он сумел забыть о себе и Свангерде и принять решение, нужное всему племени фьяллей. Он не умел отделять себя от племени. А квитт, похоже, умел жить только сам по себе.

— Просто мне нужно знать, кто возьмет вещи, принадлежавшие Эггбранду,— после недолгого молчания сказал Эрнольв.— Оружие, перстни, гривны... Амулеты.

— То, что не похоронили с ним, заберут братья,— ответил Вигмар, стараясь, чтобы при слове «братья» на его лице отражалось не больше четверти тех чувств, которые он питал к сыновьям Кольбьерна.— Их целых трое... Или даже больше, но сыновьям рабынь наследства не полагается.

— Ты можешь назвать мне их имена?— не отставал фьяльл. Его глаз смотрел на Вигмара с таким серьезным ожиданием, как будто от этого зависела вся его судьба.

— Это не тайна.— Вигмар пожал плечами. Он не был любопытен, но на его месте и камень ерзал бы от любопытства, зачем все это фьяллю и какое отношение он может иметь к Стролингам.— Если бы я знал, что тебе это действительно нужно...

— Я клянусь тебе Тором и Мйольниром, что для меня это важнее всего на свете!— с неожиданной пылкостью заверил фьяльл и прижал руку к груди.

В разрезе рубахи на миг мелькнуло что-то золотое, висящее на тонком ремешке. Вигмар ощущал волнение фьялля,

как свое, и чувствовал странное желание помочь ему.

– Старшим остался Скъельд,– принялся перечислять Вигмар.– Потом идет Гейр, потом Ярнир... Или нет, Ярнир старше на пару лет, но он побочный сын. Еще есть Книв-Из-Под-Хвороста, но он сын рабыни. Надеюсь, это все.

– Где они живут?

– В усадьбе Оленья Роща. Это неподалеку от границы с раудами.

– А побратимы?

– В нашей округе нет, а у хевдинга... Я не слышал, чтобы Эггбранд успел обзавестись побратимами в дружине Ингстейна.

– А сестер у него нет?– как нарочно, вспомнил фьялль. Вигмар молча смотрел ему в лицо. Под тяжелым взглядом Эрнольв смутился, но закончил: – Ведь если амулет... ну, что-нибудь золотое или серебряное скорее возьмет женщина.

– Сестра есть,– медленно и четко выговорил Вигмар.– Но я сомневаюсь, чтобы она взяла у него хоть что-нибудь.

Эрнольв удивленно посмотрел ему в лицо и вдруг сообразил. Словно кто-то шепнул ему, словно он сам на миг стал квиттом: он понял всю эту сагу и даже устыдился своих распросов, которые были так неприятны его собеседнику.

– Так это... это о ней ты складывал те злосчастные стихи?– спросил он.

Вигмар криво усмехнулся и кивнул.

– Так что ты можешь быть уверен: чести йомфру Ингирид мои стихи ничем не грозят!– добавил он.– Передай это ее будущему мужу, если вести о нашем состязании дойдут и до него.

– Не нужно.– Эрнольв неопределенно махнул рукой.– Ее будущий муж – это я.

Он поднялся и медленно побрел в хозяйский дом. Вигмар молча провожал собеседника глазами. Этот одноглазый каждый раз находил, чем его удивить.

Тем временем Ульвхедин ярл прошел в гридницу, где скучал в ожидании вечернего пира Бьяртмар конунг. Рядом с ним пристроилась Ингирид, обиженная на старших, которые не взяли ее на соколиную охоту. Появление сводного брата девушка встретила только хмурым взглядом. Зато Бьяртмар конунг оживился.

– Вот ты и вернулся, Ульвхедин!– радостно воскликнул он, выпрямившись на подушке сиденья и потирая бледные ручки.– Кто из вас набил больше гусей: ты или Эрнольв? Или Ульврун? Она ведь не так легко дает себя обскакать, верно? Будет у нас сегодня гусиный пир!

– У нас были заботы поважнее, чем считать гусей,– сурово ответил Ульвхедин, остановившись перед сиденьем конунга.– Наш союз с фьяллями, указанный богами, находится под угрозой!

Бьяртмар конунг изменился в лице, люди вокруг него тре-

можно загудели.

– Сами боги указали нам путь, и если мы теперь откажемся от войны, гнев асов обрушится на нас!– грозно продолжал Ульвхедин.

– Но что случилось?– Бьяртмар конунг так встревожился, что не нашел в этом ничего забавного. Ингирид, с горящими любопытством бессовестными глазами, придвинулась поближе, чтобы ничего не пропустить.– Что может помешать нашему союзу?

– Мои люди видели в дальнем конце пролива, напротив Виндсея, корабль с рогатой волчьей головой на штевне,– сказал Ульвхедин, приберегавший эту новость для важного случая.– Это корабль Стюрмира Метельного Великана, конунга квиттов.

– Стюрмир конунг здесь?– воскликнуло разом несколько голосов.– Как он сюда попал? Зачем?

– Нетрудно догадаться. У квиттов тоже был тинг. И они тоже знают, что скоро их ждет война. Наверняка Стюрмир собирается просить помощи у слэттов.

Бьяртмар конунг охнул. Фьялли и рауды против квиттов – это одно дело, а квитты и слэтты против фьяллей и раудов – совсем другое. Да Стюрмир конунг и Хильмир конунг, если боги позволят им заключить союз, зажмут несчастных раудов, как в клещах, и перебьют всех до одного!

– Боги не простят, если мы закроем глаза на знамение, нарушим их волю!– решительно и грозно продолжал Ульв-

хедин, угадавший, какие мысли должны прийти в голову отца при этом известии.— Они пошлют на нас напасть похуже разбойных морских конунгов или даже великана! Поход должен состояться, но Эрнольв ярл и с ним Торбранд конунг не слишком-то поверят нашей дружбе, если узнают, что мы принимаем у себя конунга квиттов!

— Но мы и не думаем его принимать!— воскликнул Бьяртмар, как будто уже оправдывался перед богами.— Я даже не знаю, где стоит его корабль!

— Он пережидает противный ветер, чтобы плыть через пролив. Он не хочет, чтобы мы о нем знали. А чтобы Торбранд конунг и все фьялли верили, что мы действительно верны им, нужно отдать в жены Эрнольву ярлу твою дочь Ингирид!

Люди в гриднице охнули, и громче всех сама Ингирид.

— Да ты что?— завопила она, мигом вскочив с места.— Мне выходить замуж за этого одноглазого уроды! Ты рехнулся! Да он... Да я... Да чтоб его тролли взяли!

Задыхаясь от возмущения, Ингирид не находила слов, но все ее чувства были написаны на покрасневшем лице.

— Так нужно!— отчеканила Ульврун, глядя не на сестру, а на Бьяртмара.— Подумай, конунг, что будет, если на нас двинутся разом квитты и слэтты, а у нас не будет надежной поддержки!

— Я на это никогда не соглашусь! Никогда! Вот еще выдумали! Сами за него выходите, если он вам так нравится!—

кричала Ингирид, но ее никто не слушал.

— Надо подумать!— бормотал Бьяртмар конунг, озабоченно шлепая верхней губой, словно пробуя каждое слово на вкус.— Это слишком сложное дело! Слишком...

— А пока мы будем думать, остальные пусть молчат о том, что узнали!— Ульвхедин ярл обвел всех грозным взглядом.— Мы должны принять решение как можно быстрее и справить свадьбу в ближайшие дни.

Ингирид хотела еще что-то сказать, но передумала и молча выбежала из гридницы. Она уже поняла, что ее желания здесь никого не интересуют.

Ночью, когда все в конунговой усадьбе уже спали, кто-то тронул Вигмара за плечо.

— Там какая-то девчонка просит тебя выйти в сени,— зевая, сообщил ему хирдман из дозорного десятка.— Говорит, дело очень важное.

Он хотел ухмыльнуться, но ухмылку поглотил зевок.

— Что еще за дрянь?— пробормотал недовольный спросонья Вигмар.— Я никого не звал.

— Иди, иди.— Хирдман, как видно, получил что-то в уплату за настойчивость.— Выйди к девушке, что тебе, трудно? Меня бы позвали, я бы...

Вигмар стал на ощупь одеваться. Сонливость отступала, пробуждалось удивление. Он догадывался, что это как-то связано с Ингирид. Потомок эльденландских троллих прав:

ее любовь опаснее вражды. Но в любом случае лучше знать, что именно она задумала.

Одевшись и подойдя к дверям, Вигмар ненадолго замер и прислушался. Вроде бы он не успел нажить здесь врагов, но ожидать можно всего. От того же Оддульва, например. Но врагами, похоже, не пахло. Вигмар сам не знал, которого из чувств здесь заслуга, но был уверен: ожидай его в сенях пара мужчин с мечами наготове, он бы их почуял.

Толкнув заскрипевшую дверь, он оказался в темных сенях. Тут же к нему скользнула чья-то стройная фигурка: Вигмар мгновенно перехватил ее, взял за плечи и отодвинул от себя.

– Кто здесь?– шепотом спросил он, уже узнав Ингирид.

– Это я!– ответил знакомый голос, сердитый и обиженный.– Пусти.

Вигмар отпустил. Ингирид помолчала.

– Ты позвала меня молчать?– Вигмар не стал ждать слишком долго.– Сейчас не лучшее время для этого. Молчать мы могли бы и во сне. Каждый у себя.

– Ты знаешь о том, что меня хотят выдать замуж?– враждебно спросила Ингирид.

– Не... – начал Вигмар, но вспомнил последние слова фьялля.– Знаю. За одноглазого...

– Вот именно!– пылко и обвиняюще выкрикнула Ингирид.– За одноглазого рябого уроды! Которому только троллиха годится в жены! А выдают меня! Это ты виноват!

– Я?!– в полный голос воскликнул Вигмар, но тут же опомнился и продолжал шепотом.– При чем здесь я? Ты, ли-па застежек, говоришь загадками. И мне твои загадки совсем не нравятся!

– А сочинять стихи тебе нравилось?– возмущенно отозвалась Ингирид.– Из-за твоих стихов мой отец конунг подумал тролли знают что и теперь торопится выдать меня замуж. За первого встречного, как будто я рабыня из свинарника!

В голосе Ингирид дрожали слезы благородного негодования. Она была преисполнена обиды и жалости к себе.

– Ну, не так все страшно!– подбодрил Вигмар.– Твой жених уже знает всю правду – я сам ему рассказал. И он не прекнет тебя моими стихами, можешь не бояться. И никакой он не первый встречный. Он родич конунга, да и ты знакома с ним десять лет. Тебе сотни девушек позавидуют. А что он не слишком хорош лицом – не беда. Для мужчины красота не главное. Я вон тоже – не светлый Бальдр...

– Пусть другие девушки подавятся!– решительно перебила его Ингирид, с трудом сохранявшая молчание и во время этой недолгой речи.– Я не хочу за него выходить и не выйду. Ты виноват в моем несчастье, ты и должен избавить меня от такого жениха.

– Как это?– Вигмар принял бы это все за глупую шутку, если бы не знал, что Ингирид не умеет шутить.

– Ты должен увезти меня отсюда!– гордо заявила Ингирид.

– Куда?– спросил Вигмар, даже не пытаясь принять умный вид.

– Куда хочешь!– отрезала отважная девица.– Уж лучше я стану твоей женой, чем выйду за этого тролля!

Вигмар прислонился к стене и прикусил губу, чтобы не рассмеяться. Весь этот ночной разговор выходил нелепым до крайности. Опять он оказался тем, кого нареченная невеста предпочитает своему жениху, но разница между первым случаем и нынешним больше, чем между небом и землей. Рагна-Гейда любила его, и было бы оскорбительно даже ставить ее любовь рядом с упрямым тщеславием Ингирид и ее бездумной жадой приключений.

– Нет, йомфру, ничего не выйдет!– стараясь подавить горькую усмешку, ответил наконец Вигмар.– Мне некуда тебя везти. У себя дома я – вне закона. Я не хочу оказаться вне закона еще и здесь, в единственном месте, где мне дали приют. Получить мою голову отдельно от тела уже мечтает довольно много могущественных людей, и я не хочу, чтобы к ним присоединились Ульвхедин ярл и Бьяртмар конунг. Вот-вот начнется война, я сам не знаю, где я буду. Тащить с собой еще и тебя – прости, но я не Хедин, а ты не Хильд. Едва ли ты умеешь оживлять убитых, так что бросим этот глупый разговор и пойдем спать.

– Глупый?– возмутилась Ингирид.– Сам ты глупый!

– Верно,– быстро согласился Вигмар, пока она не передумала, и незаметно отступил к двери спального покоя.– Я

очень глупый. Мне и родичи говорили...

— Дочь конунга предлагает тебе свою руку, а ты боишься... Ты боишься!— напав на новую мысль, воодушевленно воскликнула Ингирид.— Боишься, что тебя опять будут гнать, как зайца! Наверное, до сих пор не опомнишься от страха, как убегал с Квиттинга! Наверное, ту женщину ты был не прочь прихватить с собой! Она для тебя достаточно хороша! Настоящая Хильд! А я, значит, нет!

— Перестань, йомфру!— устало сказал Вигмар. От любого воспоминания о Стролингах он теперь ощущал усталость: слишком долго и напряженно о них думал и слишком мало полезного надумал в итоге.— Иди спать. У тебя будет хороший муж. А вне закона проще жить одному.

— Мне все равно!— воскликнула Ингирид. Метнувшись к Вигмару, она положила руки ему на плечи и прижалась, стараясь разглядеть в темноте сеней лицо.— Я люблю тебя! Я хочу быть с тобой!

В голосе ее слышалось что-то такое, от чего даже Вигмар... не то чтобы дрогнул, но усомнился. В этот миг Ингирид сама верила в то, о чем говорила. Любовь дочери конунга к чужеземному изгнаннику накануне войны оказалась бы достойна одной из самых ужасных и впечатляющих песен, а Ингирид очень хотела попасть в песнь. И песнь эта так хорошо складывалась в воображении, что девушка сама поверила в ее существование. Дурочка просто не умела понять, какая суровая жизненная основа лежит под звонкими строчками.

А Вигмар умел. Он уже примерил на свои плечи кольчугу древнего героя и убедился, что для нынешних людей она тяжеловата. И даже не было стыдно: времена меняются, и человеческая доблесть меняется тоже. Он не хотел быть прославляем за то неимоверное количество бед, которые его «высокий дух» принесет окружающим. Поэтому несостоявшийся герой аккуратно снял руки Ингирид со своих плеч и отступил на шаг.

– Не зови любовь, йомфру, – тихо и серьезно ответил он. – Боги задумали ее как проклятье – для тех, кто способен ее испытывать, не находится места на земле. Я знаю. Без нее проще жить. Делай то, что велит тебе отец, и ты еще будешь счастливой. А моего счастья здесь нет, и я буду искать его один.

Не дожидаясь ответа, он шагнул в спальный покой и опустил засов. Не то чтобы он ждал, что отважная дева примется колотить кулаками в дверь, просто хотелось положить между ней и собой какую-то более прочную преграду. Он тоже верил в то, что сказал. Их с Рагной-Гейдой любовь – проклятие. Им с этой любовью нет места на земле, потому что понимают ее только они двое. Боги уже не раз указали на это: в своих родных местах любовь к Рагне-Гейде сделала Вигмара убийцей, а здесь, у раудов, одно воспоминание о ней чуть не погубило.

Ингирид осталась одна в темных сенях. Возмущение угасло, а душой вновь овладели обида и жалость к себе. Сво-

ей необычностью Вигмар был интереснее и привлекательнее всех остальных, и его отказ связать с ней судьбу казался изменой. Но гневаться на него она почему-то не могла. В тех словах, которые квитт сказал о любви, крылась недосказанная тайна: он предостерегал ее от любви, а ей казалось, что какая-то прекрасная дорога к счастью закрыта для нее, как закрыта эта темная дверь.

Вне закона! Дочь конунга – и чужеземный беглец-убийца... «Мне некуда тебя увезти...» По щекам Ингирид текли слезы, а перед глазами сиял пламенный меч валькирии. Если бы взмахнуть этим мечом и снести сразу все, весь этот глупый мир, полный дурацких запретов, обстоятельств, заставляющих отказывать себе в самых простых желаниях! Стать валькирией, для которой нет никаких запретов и которая сама выбирает себе возлюбленных, никого не спрашивая... Как Альвкара, которая увидела героя, сидящего на кургане, и полюбила его. Увидела – и полюбила. Это же так просто! Ну, и он ее, конечно, полюбил. Куда же деваться от судьбы?

Ингирид неслышно всхлипнула и вытерла глаза рукавом. Образ пламенного меча помог: она взяла себя в руки и ощутила прилив злости на всех вокруг. И это было гораздо лучше печали, потому что печаль ослабляет, а злость делает сильнее. Гораздо сильнее! «Еще посмотрим, не выйдет ли из меня Хильд!» – с каким-то злым азартом подумала Ингирид, погрозила кулаком темной двери и пошла в женский покой. Она уже знала, кому первому снесет голову ее сияющий меч.

Утро Бальдвиг Окольного началось с неожиданности: когда он проснулся, Вигмар уже сидел на краю лежанки, одетый и задумчивый.

— Не думается ли тебе, что нам пора прощаться со всеми этими достойными людьми и ехать домой?— сказал он, встретив удивленный взгляд товарища.

— За ночь ты успел с кем-нибудь подраться?— хрипло спросил Бальдвиг.

Вигмар покачал головой. Его ночное свидание с Ингирид нельзя было назвать дракой, но оно навело на мысль, которая давно уже зрела: что ему совершенно нечего делать на тинге раудов.

— Я не думал, что тебе скоро захочется домой. Поближе к родным местам,— с намеком сказал Бальдвиг.— Как там в твоей замечательной висе: плеском стали встретят скальда братья Бранда? Так?

— Так.— Вигмар кивнул.— Но разве перед началом войны можно найти какие-то места лучше родных?

Бальдвиг сел на лежанке и внимательно посмотрел на Вигмара.

— Знаешь, многие люди на твоём месте нанялись бы на службу к Ульвхедину ярлу,— осторожно начал он, словно шаг за шагом ступал по тонкому льду.— С таким вождем можно вернуться туда, где ты убил десять человек и ни за одного не заплатил виры. Ты смог бы отличиться... По правде сказать,

многие люди боятся идти на Квиттинг. Многие помнят того великана, который сюда однажды приходил. Человек вроде тебя оказался бы очень полезен Ульвхедину ярлу. А уж он умеет платить за службу. Ты мог бы получить... твою Фрейю запястий ты точно смог бы получить. А может быть, и усадьбу ее отца в придачу.

Вигмар усмехнулся. Почему-то это рассуждение показалось ему забавным. Даже Бальдвиг, лучший друг на сегодняшний день, надежный и умный человек, совершенно не понимал его.

– Это был бы хороший способ отомстить, если бы я посватался, а мне отказали, – сказал Вигмар, не зная, как лучше объяснить. – Если не дают добром – бери силой и прославишься как герой. Но мне не нужна усадьба ее отца, мне нужна ее любовь. А если бы я явился с чужим ярлом разорять родные места, то получил бы усадьбу, но с надеждами на любовь пришлось бы распрощаться навсегда.

Не желая продолжать разговор, Вигмар поднялся и вышел из спального покоя. Бальдвиг смотрел ему вслед и чувствовал, что мало чего понимает.

Когда Эрнольв шел от колодца в дом, на ходу вытирая лицо рукавами рубахи (о полотенце он и дома вечно забывал, привыкнув, что мать или Свангерда держат его наготове), кто-то вдруг тронул его за локоть. Отняв рукав от лица, Эрнольв увидел Ингирид.

– Пойдем.— Она повелительно кивнула в сторону.— Поговорим.

Удивленный Эрнольв послушно последовал за ней. Он ждал криков, бури возмущения, но Ингирид держалась спокойной и даже величественно. Как видно, известие о собственном обручении так на нее подействовало, что она разом повзрослела. Но это были перемены к лучшему, и Эрнольв заинтересованно ждал продолжения.

– Я согласна выйти за тебя,— объявила Ингирид, отведя его к углу конюшни, где никто их не услышал бы.— Но только при одном условии.

Эрнольв двинул бровями, стараясь уяснить смысл ее слов. Новаявленная невеста говорила так, будто он вчера весь день стоял на коленях, умоляя ее о любви. Вот уж чего не было! Раньше, дома, Ингирид любила поддразнивать его мнимой влюбленностью в разных женщин: в Свангерду, в Эренгерду дочь Кольбейна, самую красивую девушку в Аскефьорде, даже в маленькую Сольвейг, но только не в себя саму. Молчаливо подразумевалось, что о ней «одноглазый урод» и мечтать не смеет.

– Чего же ты хочешь?— спросил Эрнольв, поскольку Ингирид неприступно молчала и ждала его вопроса.

– Я требую необычный свадебный дар,— гордо отчеканила дочь конунга.— Такой, что о нем будут долго рассказывать! Я хочу получить голову Стюрмира Метельного Великана!

– Конунга квиттов!— Эрнольв по старой привычке протер

глаза, хотя левый все равно ничего не видел. Ему тоже казалось, что происходящее – нелепый сон. Как видно, Ингирид владела способностью превращать даже будничные день в захватывающую сагу. – Это может случиться не так уж и скоро! А твои родичи желают справить нашу свадьбу в ближайшие дни. Я бы предпочел не торопиться... – добавил он, умолчав о надежде, что со временем боги пошлют для Ингирид другого жениха.

– Это можно сделать сегодня! – надменно заявила она. – Незачем далеко ходить. Его корабль стоит на берегу, и я знаю где.

– Корабль Стюмира конунга?

– Ну, да! – Ингирид отлично разыгрывала невозмутимость. Можно подумать, что в Островном проливе каждый день стоят корабли двух-трех чужеземных конунгов. – Его корабль носит на штевне рогатую волчью голову и называется «Рогатый Волк», не так ли?

Эрнольв потрясенно кивнул. Лучший корабль Стюмира, как и вообще все изделия знаменитого мастера Эгиля Угрюмого, был известен по всему Морскому Пути.

– Возьми своих людей, отправляйся туда и привези мне его голову! – уверенно приказала Ингирид. Куда девалась легкомысленная девчонка – в нее словно дух Гудрун дочери Гьюки вселился, той самой, что погубила всю свою родню.

– Послушай, Ингирид! – справившись с удивлением, Эрнольв взял ее за плечи. Ингирид оскорбленно дернулась, но

он держал крепко.— Если это опять твои выдумки...

— Это никакие не выдумки!— враждебно ответила Ингирид, подняв голову и глядя точно в здоровый глаз собеседника.— Он действительно там стоит и ждет, пока спадет противный ветер! Сама судьба привела его! И я не выйду за тебя, если ты мне не привезешь его голову! Прямо сейчас!

Ингирид снова дернулась, и Эрнольв отпустил ее. Голова шла кругом, как бывало уже не раз за последние дни.

Стюрмир конунг! Впервые в жизни Ингирид подала правильную мысль — если все это правда, конечно. Едва ли у Стюрмира с собой большая дружина. Убить его — и обезглавленными окажутся все квитты. Тут даже непримиримый Хродмар сын Кари не сможет обвинить его в недостатке верности и мужества. Да ну его к троллям — тогда вся война сложится для фьяллей гораздо легче, потому что как же квитты будут воевать без конунга? Тут и без раудов можно обойтись... Но только они от войны никуда не денутся, потому что конунг квиттов будет убит на их земле! Тогда и жениться необязательно!

И едва сумбурный вихрь, гудящий в голове Эрнольва, принес эту мысль, как он сорвался с места и бросился к хозяйскому дому.

— Стой!— Ингирид догнала жениха и вцепилась в локоть.— Никто из них не должен знать об этом! И поклянись, что не поедешь без меня! Я хочу сама все видеть!

— Ладно, ладно!— Эрнольву было не до клятв. Отодрав от

рукава пальцы невесты, он со всех ног кинулся одеваться.

Войдя в сени большого дома, Ингирид успела заметить мелькнувший в переходе знакомый рыжий хвост из тринадцати косичек. И какая-то сила толкнула ее следом: распирало желание немедленно объяснить Вигмару, как он в ней ошибался.

– Вигмар!– окликнула она.

Квитт услышал, но не подал вида, надеясь, что дочь конунга не побежит догонять. После ночной беседы ему хотелось видеть Ингирид еще меньше, чем обычно. Потянув за медное кольцо, он открыл дверь одного из многочисленных малых покойчиков в доме Бьяртмара и уже шагнул за порог, когда знакомые тонкие пальцы крепко вцепились в его локоть.

– А, дошел все-таки!– Сторвальд, хозяин покойчика, шагнул ему навстречу.– А я думал, без меня ты заблудишься... Э, да ты не один!

– Я один!– поспешно ответил гость и обернулся к Ингирид: – О ветвь огня волны, чего еще ты от меня хочешь? Если нас увидят вместе, я не знаю, как буду оправдываться перед твоим женихом!

– Нас никто не увидит!– Ингирид решительно втолкнула его в покойчик и шагнула следом.– А если у кого-то окажется слишком длинный язык, этот кто-то лишится не только волос!– ядовито добавила она, заметив Сторвальда.

Впрочем, присутствие постороннего ее не смутило: из всего рода человеческого для героини будущих сказаний существовал только Вигмар.

– Скоро ты узнаешь, как сильно ошибся!– горячо сказала Ингирид не без тайной мысли, что у него еще есть время передумать.– Я сумею отомстить за тебя лучше, чем это сделал ты сам!

– Отомстить, за меня?– Напрасно Вигмар думал, что дочери конунга уже нечем его удивить.– Меня никто не обижал! Я сам кого хочешь обижу.

– А как же объявление вне закона? Не ты ли вчера жалел об этом? Так вот знай же: того, кто объявил тебя вне закона, сегодня к вечеру не будет в живых!

– Кого?– Вигмар совершенно ничего не понимал.

– Стюмира конунга! Сегодня вечером мне подарят его голову!

– Да где же ее возьмут?

– Он не так уж далеко – напротив Виндсея, на берегу! Я потребовала его голову от Эрнольва, и он мне ее принесет! Будь спокоен! И тогда никто не скажет, что я – не Хильд!– с торжеством закончила Ингирид.– И я поеду с ним и покажу ему дорогу! Я сама хочу видеть, как свершится моя месть за тебя!

На миг Вигмару показалось, что у него остановилось сердце. А потом силы вскипели ключом – откуда что взялось! Кто-то другой, не думая, не прикидывая и не рассуждая,

приказал ему, крикнул в ухо: скорей!

Одной рукой прихлопнув дверь покоя, другой он мгновенно зажал рот Ингирид и кивнул Сторвальду. Тот с проворством и готовностью, как будто они заранее обговорили все до мелочей, бросил ему какое-то полотенце, а сам откинул крышку сундука и выхватил целый ворох разноцветных ремней: узких и широких, с серебряными бляшками и бронзовыми цепочками. Ингирид пыталась визжать и вырываться, обнаружив удивительную для девушки силу, но против квиттинского оборотня и потомка эльденландских троллей ей было не выстоять. Через считанные мгновения она уже простерлась на лежанке Сторвальда, с концом полотенца во рту, опутанная ремнями по рукам и ногам.

Затягивая поясной ремень, Эрнольв вдруг судорожно вздохнул и привалился к стене. Его охватила слабость, все силы ушли куда-то, как вода из разбитого кувшина. Даже голова закружилась, перед глазами вспыхнули огненные пятна.

— Что с тобой?— Хрольв, один из его хирдманов, озабоченно тронул его за плечо.— Ты здоров?

— Да,— с трудом разжав зубы, упрямо выдохнул Эрнольв.— Это так... Сейчас... Уже все.

Действительно, внезапное нездоровье прошло, силы вернулись. Оправив пояс, он набросил на плечи плащ и устремился к дверям, на ходу возясь с застежкой. Появилось странное ощущение: как будто он тянет сеть, за второй ко-

нец которой держится кто-то другой. Не менее сильный.

— И что теперь?— заинтересованно спросил Сторвальд, когда последний ремень был завязан.

— Ты же хотел ей отомстить?— напомнил Вигмар.— Вот тебе отличный случай. Она очень хочет получить голову моего конунга, а я хочу, чтобы эта голова осталась у него на плечах. Решай быстро, с кем ты.

— С тобой,— очень быстро решил Сторвальд.— Она меня опозорила, а ты дал возможность восстановить мою честь... когда сложил песнь похуже моей,— с ехидным удовольствием окончил он.

Но Вигмар и не подумал обидеться.

— Вот и славно. Тогда пошли. Ты знаешь, где этот троллиный Виндсей?

— Вот я и говорю: без меня ты заблудишься!

Держа на поводу оседланного коня, Эрнольв нетерпеливо оглядывался. Ингирид, которая обещала ждать во дворе, все не появлялась.

— Хрольв, сходи к женскому покою, посмотри, не там ли она,— попросил он хирдмана.

— Я схожу.— Тот кивнул.— Не беспокойся, ярл, ветер не даст им отплыть еще пару дней. Мы не упустим их, даже если пойдем пешком.

Хирдман ушел, а Эрнольв остался ждать, притоптывая от нетерпения и беспокойно оглядываясь. Дрянная девчонка!

Сама все затеяла, а теперь, когда дорого каждое мгновение, испарилась и тем грозит провалить все дело! Спешить следовало хотя бы потому, что его дружина (сорок человек) своими приготовлениями к отъезду не могла не возбудить любопытства. Вот-вот кто-нибудь спросит: «Куда это ты собрался, Эрнольв ярл? Не хочешь ли сбежать со свадебного пира? Ха-ха!» Эрнольв переминался с ноги на ногу, как будто у него в каждом башмаке было по горсти иголок, и старался взять себя в руки. Напрасно. В душе гудел сквозной ветер, и каждое мгновение он ждал, что головокружение вернется.

Вигмар сын Хроара и конунгов скальд Сторвальд неспешно выехали за ворота, негромко беседуя и посмеиваясь.

– Нет, Хильд нельзя назвать «кормилицей воронов»! – долетел до Эрнольва обрывок речи Сторвальда. – Она ведь каждую ночь оживляет убитых, так что воронам и волкам ничего не достается!

– Ну, ты еще скажи, что конунга нельзя назвать «дарителем гривен», потому что от иного конунга за десять лет и пуговицы не дождешься, а не то что гривны!

Хорошо им – только и забот, какой кеннинг выбрать. Эрнольв не увлекался сочинением стихов, а кеннинги надоели ему еще в Аскефьорде, где Хродмар, бывало, только ими и сыпал. Правда, это было давно. Да куда же она подевалась? Эрнольв оглянулся на дверь хозяйского дома, потом на отхожее место, куда вела тропинка, огибающая угол. Может, у юной валькирии от волнения схватило живот?

Напротив Виндсея виднелось несколько вытасненных на берег кораблей, но Вигмару не пришлось колебаться: однажды он видел «Рогатого Волка» на Остром мысу и не мог его спутать ни с каким другим кораблем. На каменистой площадке под большим железным котлом горел костер, порывами морского ветра дым бросало из стороны в сторону. Вокруг сидели и прохаживались человек десять, столько же лежали на охапках веток и мха. Все свободное пространство корабля, насколько можно было разглядеть издалика, устилали тела спящих или дремлющих – да и что оставалось делать невольным гостям Островного пролива, кроме как отсыпаться впрок?

Заметив двух всадников, пять или шесть человек двинулось им навстречу, держа наготове щиты. Вигмар и Сторвальд остановили коней, не доехав шагов десять до костра.

– Чего вам нужно?– спросил один из квиттов.

Вигмар напряженно скользнул глазами по лицам: слава Одину, никого знакомого. Нарваться на человека, знающего, что он сейчас вне закона, было бы последним делом.

– Мне нужно видеть Стюрмира конунга,– ответил Вигмар.– Он здесь?

Ответом послужило настороженное молчание. Хорошо хоть, не смеются,– значит, правда.

– Кто ты такой и зачем тебе его видеть?– повторил квитт, стоящий впереди всех. Выговор утреннего гостя и тонкие ко-

сички за ушами уже рассказали, что перед ним соплеменник.

Еще несколько человек спустились с корабля и присоединились к квиттам. По лицам было видно, что ничего хорошего они не ждут.

— Мое имя вам дорого обойдется — дороже, чем стоит на самом деле,— ответил Вигмар. Называть свое имя сразу после того, как оно было провозглашено с Престола Закона, очень глупо. Допустим, дружине конунга нет дела до его отношений со Стролингами, но зачем зря дразнить волков?— Мне нужно сказать два слова Стюрмиру конунгу. При вас при всех.

— Так и говори, если при всех,— сказал один из подошедших.

Вигмар обернулся. Красноватое, обветренное лицо, пышные полуседые волосы, развеваемые ветром, суровые серые глаза — Метельный Великан, одним словом.

— Да пошлют боги тебе побольше удачи, конунг!— ответил ему Вигмар.— Сегодня хороший день для тебя, если ты желаешь пасть в неравном бою прямо сейчас.

— С кем?— быстро спросил Стюрмир конунг. Обликом он походил на великанов, но соображал значительно быстрее, чем племя камней.

— Эрнольв ярл, родич Торбранда конунга, знает, что ты здесь. Он очень хочет добыть твою голову. И Ульвхедин ярл охотно ему поможет, если тот сам не справится. Вот и все, что я хотел тебе сказать. Дальше ты сам решишь, что тебе

делать.

– Погибнуть в битве – честь для всякого конунга, но я не хочу, чтобы это случилось сегодня, – сказал Стюрмир конунг. – Сталкивайте корабль! – крикнул он своим людям. – Через пролив нас не пускает Ньерд*, но мы может пойти обратно. Или этот фьялль уже снарядил корабль?

– Корабля у него нет, но рауды найдут, – ответил Вигмар, которому предназначался вопрос. – Однако на море у вас больше надежды спастись. Вам ведь и раньше везло на море больше, чем фьяллям, верно?

– Верно, – без улыбки сказал Стюрмир. – Про нашего тюленя и здесь знают?

– Про него везде знают, – вступил в беседу Сторвальд. – И если кто-нибудь из твоих людей, конунг, расскажет мне подробности, я сложу об этом деле славную песню.

– Ты скальд? – Стюрмир удивился. – Вот только скальда у меня с собой и нет!

– Я поплыл бы с тобой, если бы ветер был попутный, – спокойно ответил Сторвальд. – Я еще не бывал в земле слэттов.

Пока они беседовали, Вигмар отошел в сторону и встал на край скалистого обрыва. В лицо ему дул южный ветер, а под ногами плескалось море. Небо затянули серые тучи, а люди Стюрмира возились вокруг «Рогатого Волка» – так и казалось, что он остался один на один с Ньердом, богом движущихся стихий, почти во всех его воплощениях: ветром и волнами. Не хватало только огня...

И тогда Вигмар поднял голову к небу и громко позвал:

– Альвкара! Неистовая из рода альвов! Можешь смеяться, но я ничего не понимаю! Если ты покровительница радуг, зачем ты помогала мне? А если ты хочешь мне помочь, то сделай что-нибудь с этим ветром! Мне нужно не так уж много – только чтобы корабль перешел Островной пролив, и побыстрее!

Вигмар не ждал от своей речи каких-то особых последствий. Просто когда у него выдавалось время вспомнить об Альвкаре, он действительно чувствовал недоумение. Почему она помогла ему? И не поможет ли еще?

Ветер стих. На миг стало совсем тихо, так что Вигмар ощутил себя оглохшим: гул и свист сменился тишиной, как будто заложило уши. А потом потянуло северо-западным ветром: тем самым, который несся через Островной пролив к берегам слэттов.

– Да ты еще и ветер умеешь заклинать!– послышался за спиной голос Стюмира конунга.– Тебя, должно быть, послали боги!

– Это верно,– согласился Вигмар, обернувшись.– Только я не знаю, куда и зачем они меня послали.

– Ты здесь служишь кому-нибудь?

– Нет. Скорее меня приютил один добрый человек, которому я недавно подарил три марки золота.

– Ты поплывешь со мной?– полуутвердительно произнес Стюмир.

– Я бы сказал, что это мудрое решение,– вмешался Сторвальд.– Я вот собираюсь плыть с могучим Стюрмиром конунгом. И ему, и Хильмиру мои песни понравятся.

– Ты поплывешь прямо отсюда?– даже Вигмара удивило это неожиданное решение.– Прямо так, в чем есть? Мне казалось, у тебя немало добра осталось в конунговой усадьбе... В том сундуке были не только цветные пояса?

– Это неважно!– Сторвальд небрежно махнул рукой.– Думаю, твои добрые соплеменники дадут мне какую-нибудь рубашку, а я за это сочиню каждому из них по хвалебной песне. Это очень легко, надо только иметь сноровку. Как и во всем остальном!– Сторвальд подмигнул Вигмару косящим левым глазом.

– А Бьяртмар?

– Всего серебра и золота не выслужишь, а любоваться его безбородой мордой мне порядком надоело. Я уважаю могущество рун, но меня тошнит от «одалей»¹, усеявших берег раудов гуще, чем морские камни. Кстати, о цветных ремнях – Ингирид ведь не станет молчать. Пожалуй, скажет, что мы с тобой ее обесчестили. Она себя не пожалеет ради мести, уж можешь быть уверен. А когда муж ее убедится, что это неправда, приставлять нам головы обратно будет уже поздно.

– Так ты плывешь с нами?– снова спросил не склонный к долгим разговорам Стюрмир конунг.

---

¹ Имеется в виду руна «Одаль», которая использовалась для защиты имущества.

Вигмар медлил с ответом. Все это правда: и Ингирид не станет молчать, и плыть со своим конунгом гораздо лучше, чем оставаться у чужого. Но что-то не давало ему ответить согласием. Вернуться на Квиттинг нельзя. Отправиться к слэттам? А что он там забыл, в десятке морских переходов от Рагны-Гейды, от того единственного, что для него важно? Смутное чувство, что он оставил где-то здесь половину своего сердца, не давало сказать «да».

– Я не слишком подходящий для тебя попутчик, конунг, – наконец ответил Вигмар. – Мне нечего делать у слэттов, а возвращаться к квиттам нельзя.

– Почему?

– Потому что я – вне закона.

– За что? – прямо спросил Стюрмир.

– За дело, – так же прямо ответил Вигмар.

Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу. И почему-то Вигмар не ощущал ни особого почтения, ни трепета – это был просто человек, которому он мог помочь и помог. Должно быть, за последнее время квитт привык думать о себе как о чем-то отдельном от племени. Он остался сам по себе, человек лицом к лицу с огромным миром, и конунг квиттов для него не конунг.

– Я там убил одного человека, – пояснил Вигмар ожидающему продолжения Стюрмиру. – И его родичи меня не простят. Даже ты, боюсь, не защитишь меня – я же не смогу все время держаться за край твоего плаща. Так что я пойду сво-

ей дорогой.

— Жаль,— заметил Сторвальд.— А я уже мечтал, как мы с тобой на пару будем петь хвалебные песни.

— Нет уж!— Вигмар наконец усмехнулся.— Я не умею петь хором. Вот уж чего я никогда не научусь делать.

— Не знаю, встретимся ли мы еще, но я о тебе буду помнить,— сказал Стюрмир конунг Вигмару.— Да pošлют тебе боги удачи!

В устах конунга такое пожелание стоило очень многого, но Вигмар лишь кивнул в благодарность. Удача у него тоже была своя собственная, особенная, не такая, как у всех.

«Рогатый Волк» уже качался на высоких волнах, хирдманы разбирали весла. Стюрмир конунг и Сторвальд торопливо зашагали вниз к воде, Вигмар остался стоять на скале. Корабль отошел от берега, полосатый парус расправил крыло, и «Рогатый Волк» стал быстро удаляться. Лисица смотрел ему вслед, потом поднял взгляд. Над самым кораблем высоко в небе плыло крылатое белоснежное облако... Вигмар моргнул и вдруг разглядел, что никакое это не облако, а белый лебедь, медленно парящий над проливом. Под его распростертыми крыльями, как тень, летел северо-западный ветер, тот самый, который был так нужен. Лебедь вел его за собой. Вигмар смотрел вслед птице и думал: должно быть, Отец Побед и сейчас не посылал Неистовую из рода альвов. Он всего лишь сделал вид, что отвернулся.

Неспешно подъезжая к конунговой усадьбе, Вигмар вдруг увидел, как навстречу ему из ворот вылетает целая дружина. «Фьялли,— почти равнодушно отметил он.— Любопытно: Альвкара будет так добра, что прикроет меня щитом? Или это я уж слишком много хочу?»

Скакавший впереди Эрнольв первым же заметил Вигмара и так резко натянул поводья, что конь его встал на дыбы и замолотил по воздуху передними копытами. Дружина смешалась, одни проскакали дальше, другие успели придержать лошадей. Эрнольв бросил лишь один взгляд на спокойное лицо Вигмара и сразу все понял. Тролли и турсы! В последнее время он становится ясновидящим! Но, как и всем, ему самому собственное ясновидение не приносит никакой пользы.

— Уже не видно,— невозмутимо подтвердил Вигмар ту догадку, что ясно отразилась на растерянном-раздосадованном лице фьялля.— Напротив Виндсея на этот раз дует самый что ни есть подходящий ветер.

Фьялли окружили кольцом и молча ждали. А Эрнольв и Вигмар смотрели друг на друга, и у каждого из них было невероятное чувство, как будто он — маленькая железная гирилка, которая качается в своей чашечке весов: вверх-вниз, вверх-вниз... Оба они старались сегодня выполнить то, что считали должным, но у одного из них это получилось, а у другого — нет.

— Назад,— коротко сказал Эрнольв и махнул своим хирд-

манам, не отводя взгляда от лица Вигмара.— Я скажу ему пару слов.

Вигмар спокойно ждал, пока фьялли нестройной толпой, раздвигая любопытных, вернутся во двор.

— Ты сказал ему?— неопределенно спросил Эрнольв.

— А ты ее выпустил?— так же ответил Вигмар, и оба они поняли друг друга. От кого Эрнольв мог узнать о его участии в этом деле, как не от Ингирид?

Эрнольв кивнул, потом повторил вслух:

— Да. И теперь она жаждет получить не его голову, а твою.

— И это тебе будет сделать легче,— обнадежил его Вигмар.— Моя голова осталась на этом берегу. Правда, задаром ее я не отдам, но ты можешь попытаться.

Эрнольв покачал головой. Вдруг все надоело, и мечтал он только об одном: оказаться дома, возле очага в усадьбе Пологий Холм, между матерью и Свангердой. И безо всяких Ингирид.

— Ты здесь один, и я один — нам нечего делить,— чуть погодя сказал Эрнольв и вопросительно посмотрел на Вигмара: — Так? Теперь я с тобой согласен.

— Это меня удивляет,— честно признался тот.— Не уверен, что я мог бы быть так миролюбив, если бы кто-то увел у меня добычу из-под носа. Очень дорогую добычу.

— А я непременно увел бы ее... То есть не добычу, а... Если бы ты хотел снять голову с Торбранда конунга, а я мог бы тебе помешать, я непременно бы это сделал,— Эрнольв

наконец нашел подходящие слова.— Я не смогу наказывать человека за дело, которое и сам совершил бы на его месте. Ты поступил как должно — не мне осуждать тебя за это.

Вигмар подвигал бровями, не зная, что ответить. Он не был уверен, что на месте фьялля поступил бы так же благородно. Но для Эрнольва его сегодняшний образ действий оказался единственно возможным. Он понимал Вигмара, как мог бы понимать родного брата: даже будучи объявленным вне закона племенем, он не смог бы объявить родное племя вне своего собственного закона. Не смог счесть его чужим. В этом отношении Эрнольв понимал Вигмара лучше, чем тот понимал сам себя.

— А что же ты скажешь невесте?— спросил Вигмар чуть погодя.— Как бы она теперь не отказалась выходить за тебя.

— Ее никто тут не спрашивает... к сожалению,— глухо ответил Эрнольв.

Он сознавал, что его надежды пропали: Стюрмир конунг остался жив, и едва ли теперь что-нибудь избавит его самого от необходимости жениться на Ингирид. И все благодаря этому рыжему квитту, которого следует ненавидеть, но почему-то не получается. Впрочем, его смерть сейчас уже ничего не исправит, а пустая мстительность Эрнольву не была свойственна.

— Но ей же очень хочется получить мою голову!— подзадорил Вигмар.

— Нельзя же исполнять все прихоти,— отозвался Эрнольв,

потихоньку приходя в себя и стараясь подавить разочарование.

Достойный человек должен стойко встречать удары судьбы – в конце концов, смысл всех жестоких древних песен сводится именно к этому. А Эрнольв был очень достойным человеком, хотя и на другой лад.

– Вот это верно,– одобрил Вигмар.– А не то она сядет тебе на шею. Я постараюсь уехать отсюда как можно скорее. Ингирид ведь может попытаться и мне остричь волосы, но ошибется в темноте и отрежет голову.

Фьялль поднял на него свой единственный глаз, и в нем жила такая тоска, что Вигмар ощутил дикое и нелепое, по собственным представлениям, желание обнять фьялля, как скорбящего брата, которого у Вигмара никогда не имелось. Ведь этому человеку отныне предстоит проводить в обществе Ингирид все ночи. Она, конечно, молода и красива, но Вигмар скорее сочувствовал ее жениху, чем завидовал.

– Можешь не торопиться,– обронил Эрнольв.– Она затеяла глупость. У нас не Века Асов, чтобы требовать в подарок на свадьбу чью-то голову.

– Я с тобой вполне согласен,– отозвался Вигмар.

Они молчали, сидя в седлах друг напротив друга. Вроде бы уже не о чем говорить, но что-то не пускало их разъехаться. Они были очень разными, различной была сама основа их нрава и взгляда на мир, но каждый неосознанно чувствовал, что стоящий напротив – достойный человек и мог бы

стать другом, если бы судьба не свела их на узкой дорожке войны между племенами.

Наконец Вигмар кивнул, прощаясь, и тронул коня. Обернувшись, Эрнольв смотрел, как он въезжает в ворота усадьбы, потом окликнул:

– Эй! Вигмар!

Квитт обернулся, и Эрнольв продолжал, как будто хотел оправдаться:

– Но если мы встретимся дружина на дружину...

Вигмар кивнул, показывая, что все понял и согласен. Если дружина на дружину – тогда будет другое дело. А как же иначе?

Глава 2

Вечерами, когда вся усадьба засыпала и в женском покое воцарялась тишина, Рагна-Гейда подолгу лежала с закрытыми глазами, не засыпая и не тяготясь бессонницей. Ее наполняло какое-то странное, невесомое возбуждение, снова приходило то чудесное ощущение полета в бесконечности, всеобъемлющем огненном облаке, которое не жгло, а согревало и соединяло ее с тем, с кем судьба пыталась навек разлучить. Стихи, прочитанные в пламенных рунах в вечер помолвки конунгова сына, ясно звучали в памяти Рагны-Гейды и сейчас, спустя многие дни после возвращения домой, на Квиттингский Север. *«Но погасло солнце скальда – Снотры злата глаз не вижу»*, – вспоминала она и снова видела прямо перед собой глаза Вигмара, живой и многозначительный взгляд, устремленный на нее с открытым восхищением, с вопросом и с верой в ответную любовь. *«Жизнь отдать не жаль за деву...»* Рагна-Гейда была убеждена, что он произнес это именно сейчас, уже после всех ужасных событий. Эта короткая строчка служила доказательством того, что и его любовь не захлебнулась в пролитой крови их родичей. *«Жжет тоска – не скажешь лучше...»*

Старшие члены рода Стролингов тоже засиживались по вечерам дольше обычного.

– Все-таки напрасно вы не захотели посватать Рагну-Гей-

ду за сына Фрейвида Огниво!— часто повторял Ингстейн хевдинг, заехавший погостить в Оленью Рощу. Он не умел мириться с неудачами и подолгу рассуждал о корабле, который давно ушел.— Ведь теперь, когда Фрейвид выдаст свою дочь за молодого конунга, его побочный сын тоже станет родней самому конунгу! И он уже не просто сын рабыни! Это совсем другое дело. Родство с ним никого не опозорит!

— Жаль, что у тебя нет своей дочери, хевдинг!— отвечала не без тайной издевки фру Арнхильд.— Ты бы сосватал ее наилучшим образом. А мне этот сын рабыни все же не кажется подходящей родней.

— Ведь когда объявляли о сговоре, Фрейвид назвал Ингвильду своим единственным ребенком и наследницей!— поддерживал жену и Кольбьерн.— Значит, он понимает, что конунгам мало чести в родстве с сыном рабыни. Этого сына как бы нет вообще! И нечего нам о нем вспоминать!

— И вообще нам не слишком нужна родня на западе или на юге!— вставил Скъельд.— Главное, что нам сейчас следует сделать,— отомстить за Эггбранда! А для этого нужнее родня в своих краях.

— Да! Да, родич, это верно!— поддержали Скъельда Фридмунд и Хальм.— Все-таки пожар Серого Кабана был не лучшим делом в нашей жизни. Конечно, мстить нам за это некому, но иные могут посмотреть косо.

— Пусть кто-нибудь посмеет!— со злым вызовом воскликнул Скъельд. Невозможность отомстить за Эггбранда грызла

и томила его, как дракон грызет корни Иггдрасиля, и в душе он готов был счесть своим врагом весь свет.— Нам нужна сильная родня в своих краях! Может быть, мне тоже нравился кое-кто из девушек в усадьбах Острого мыса, но теперь не до того. Я хотел бы, чтобы ты, отец, сосватал мне Халльберу, дочь Семунда Орешника.

— Это старшая?— с неудовольствием уточнила фру Арнхильд.— Правду сказать, я предпочла бы невестку покрасивее.

— Я тоже предпочел бы жену покрасивее!— без намека на глупый сердечный трепет согласился Скъельд.— Но ее сестра легкомысленна и плохая хозяйка, охотница до лживых саг, а не до хлебов и погребов. У Семунда сорок человек в дружине. Когда я возьму в жены Халльберу, ни один человек между Оленьей Рощей и Орешником не посмеет посмотреть на нас косо! Сыграем свадьбу Рагны и Атли, как и собирались. И насчет Гейра пора подумать. У меня есть одна-две мысли, и если вы, родичи, их одобрите, то...

В один из вечеров фру Арнхильд отозвала Рагну-Гейду в угол женского покоя, где их не могла потревожить болтовня служанок. Подойдя, дочь заметила на коленях у матери небольшой кожаный мешочек, завязанный красным ремешком.

— Мы еще не назначили день твоей свадьбы, но утром отец пошлет за Атли, и мы все обсудим,— начала Арнхильд. Рагна-Гейда сложила руки на коленях и смотрела на них, стара-

ясь ничем себя не выдать. Несмотря на все произошедшее, свадьба с Атли вовсе не была пределом ее желаний.— Но так или иначе, скоро ты станешь хозяйкой в своем собственном доме и тебе нужно будет самой заботиться, чтобы все в нем шло как следует. Поэтому я приготовила тебе подарок. Он не менее важен, чем все остальное приданое. Я хотела бы верить, что ты используешь его во благо своего нового рода.

Рагна-Гейда ничего не ответила, только кивнула. Зная проницательность матери, она боялась поднять глаза. Арнхильд медленно развязала красный ремешок на мешочке и высыпала себе на колени полную горсть каких-то небольших блестящих кружочков. Рагна-Гейда наклонилась, стараясь в неверных отсветах факела рассмотреть странный подарок. И тут же поняла: это руны. Гадательные руны, которыми пользуются многие мудрые женщины. От них исходил тонкий, чуть горьковатый, чарующий запах высушенной ясеневой древесины.

— Я приготовила их для тебя,— сказала Арнхильд.— Мы делали их вместе с Хальмом и не упустили ничего из необходимого. Теперь только от тебя самой будет зависеть, насколько хорошо они тебе послужат.

— Ты думаешь, я сумею?— с трепетом спросила Рагна-Гейда.

В этих деревянных кружочках ясеневое дерево, где с одной стороны была выжжена одна из двадцати четырех рун, дрожала потоками ветра и переливалась радугой огромная

тайна связи земли с небом. В каждой из деревянных бляшек, которые все вместе помещались в сложенных ладонях, трепетало отражение мира, как трепещет отражение солнца в каждой капле росы. Всю жизнь, с самого детства, Рагна-Гейда мечтала научиться гадать по рунам, видеть и слышать отражение небесных миров, как это умела ее мать.

– Конечно, сумеешь!– уверенно ответила Арнхильд.– Если бы я в этом сомневалась, то не стала бы их тебе дарить. Ты уже знаешь, как это нужно делать...

Расставшись с матерью, Рагна-Гейда унесла драгоценный подарок, прижав его к груди и горя нетерпением сразу же испробовать свои силы. Ей было и страшно и весело – точно-точно как тогда, когда она, послав Гюду за Вигмаром, ждала его, замирая от предчувствий, боясь идти вперед и не желая повернуть назад. Знание судьбы не переменит жребия, это сказано давно и сказано верно, но Рагна-Гейда задыхалась от неизвестности и не могла больше жить, упираясь взором в унылую серую стену.

Обойдя всю усадьбу в поисках уединения, Рагна-Гейда наконец нашла местечко в одной из кладовок. Поставив на бо-
чонок плоску с тюленьим жиром, в которой тлел фитилек, она разложила на полу белый платок и долго разглаживала его ладонями.

Знаю я, что есть Ясень по имени Иггдрасиль;
Окропляется белою влагою он.

От той влаги роса по долинам земли;
Зеленеет он вечно, ключ Урд осеняя...²

Мать позволила для начала использовать заклинание, много лет служившее ей самой, но вместо привычных слов в сознании Рагны-Гейды сами собой ожили и зазвучали строки древнего пророчества. Десятки звонких сложенных голосов пели у нее в ушах, словно сами альвы решили прийти на помощь, и в сердце Рагны-Гейды рождалась радостная вера, что так и нужно, что небесные миры не оставят ее без помощи.

Воздвигнут чертог перед ясенем тем,
В чертоге три вещие девы живут.
Кору они режут...

Развязав ремешок, Рагна-Гейда зачем-то закрыла глаза и высыпала руны на белый платок. Они просыпались с легким шелестом, и казалось, что чьи-то негромкие, осторожные голоса шепчут из-за некой двери... Только где она, эта дверь, и куда ведет? Стараясь не глядеть вниз, словно это могло помешать священнодействию, Рагна-Гейда дрожащими пальцами перевернула все ясеновые кружочки знаками вниз и разровняла, чтобы ни один не лежал поверх другого.

Они положили всем жребии жизни,

---

² «Старшая Эдда». Здесь и далее – перевод С. Свириденко.

Судили все доли, удел всех людей...

Перемешав кружочки, Рагна-Гейда приподняла руку и стала медленно водить ладонью над платком, стараясь кончиками пальцев слушать те голоса, которые реяли в воздухе, переплетались с темнотой, спускаясь в тесную кладовку из невидимых высот. Теплая иголочка уколола ее в подушечку пальца; Рагна-Гейда опустила руку и взяла руну, показавшуюся теплее остальных. Положив ясеневую бляшку к себе на колени, она снова протянула ладонь к белому платку.

Когда на коленях оказались три деревянных кружочка, Рагна-Гейда открыла глаза и постаралась перевести дух. Каждая жилка в ней трепетала: в этих трех маленьких бляшках, лежащих коротким рядом, заключалась ее судьба. Рагне-Гейде казалось, что именно сейчас, выбрав и перевернув эти руны, она создаст свою судьбу, проложит путь жизни, а не просто узнает то, что давным-давно решено и выпрядено норнами. Радость и тоска, отчаяние и надежда стояли по обе стороны узкой тропинки, и Рагна-Гейда готова была предаться каждому из этих чувств или всем сразу – пришла пора решаться.

Наконец, когда трепет ожидания стал невыносим, Рагна-Гейда осторожно, словно хрупкую пластинку тающего льда, взяла руну. Первая – тот вопрос, который ты пытаешься решить, та трудность, которая преградила течение жизни, как камень преграждает ручей. Бережно перенеся деревян-

ную бляшку к себе на ладонь, Рагна-Гейда перевернула ее справа налево руной вверх. И резко вдохнула, стараясь подавить крик – «Хагль»!

Мало есть рун, несущих пророчество хуже. «Хагль» – «град», гнев богов, губящий посевы, сила стихийного разрушения, входящая в твою жизнь, хочешь ты того или нет. Твое будущее принадлежит не тебе; ни люди, ни боги не спросят тебя о твоих желаниях. Не лучшее время для начала чего-то нового. А ведь Рагна-Гейда стояла на пороге замужества, к которому ее понуждала чужая воля. Прижимая к груди стиснутый кулак, она старалась унять тяжелое дыхание, и ей казалось, что по всему ее телу струятся потоки ледяной воды. Холодные ветра продували насквозь, обжигающие зерна града больно били по плечам и по голове, ранили лицо.

Кое-как справившись с потрясением, Рагна-Гейда взялась за вторую руну. Теперь ей уже не было страшно: едва ли что-то сможет ухудшить пророчество, начатое руной «Хагль».

Вторая руна указывает путь, по которому следует идти. Перевернув ее, Рагна-Гейда ахнула, словно в полной темноте ей неожиданно ударил в глаза яркий огненный всплеск. «Уруз»! «Уруз» – «дикий бык», олицетворение силы, жизненной мощи и воли к сопротивлению!

Девушка глубоко вдохнула от чувства облегчения, такого огромного, что само по себе казалось тяжелым. Эта руна несла надежду, что даже со зловещим знаком «Хагль» можно бороться. И есть у нее еще одно значение, вспомнив о кото-

ром Рагна-Гейда улыбнулась и снова прижала руку к сердцу, но уже совсем с другими чувствами. «Уруз» всегда указывает на мужчину и означает истинную волю того, кто вопрошает богов о своей судьбе. Это руна внезапных изменений. И Рагна-Гейда улыбалась, чувствуя себя такой счастливой, какой не была уже очень давно. Для нее «Уруз» означал только одного человека – Вигмара. Подтвердилась ее неизменная вера, что он не ушел из ее жизни, что они снова встретятся. Все будет так, как она мечтает: нынешняя ее жизнь изменится, изменится благодаря тому, кого она любит и ждет. Вигмар – как раз тот человек, который все делает внезапно и решительно.

И легко, словно отныне все нити судьбы в ее руках, Рагна-Гейда взялась за третью руну. Последняя руна означает конец пути – то, к чему приведут две первые.

«Науд». Рагна-Гейда застыла, держа на ладони одну из самых сильных рун, говорящую сразу о многом. «Науд» – «нужда». Перед тобою открылась бездна, говорит «Науд», но не бойся и не взывай к богам с мольбами о милости. Ищи силы в себе, запасайся терпением и верь – бездна останется позади и ты опять ступишь на твердую землю. Тебе придется нелегко, и ты придешь к концу не таким, каким был раньше. «Науд», как добрая норна, смягчающая губительные предсказания злой, облегчает значение руны «Хагль», если следует за ней. При ней «Хагль» означает не разрушение, а лишь задержку, препятствие, не грозящее конечной гибелью.

Рагна-Гейда долго сидела на полу в кладовке, держа на ладонях три руны, любуясь ими и с непонятным, смешанным чувством отчаяния и восторга упиваясь силой, льющей-ся из их простых и суровых очертаний. «Хагль» – «Уруз» – «Науд». Беда – борьба – обретение. Горе – надежда – терпение. «Хагль» завывал голосами ледяных ветров, «Уруз» горел, как уголь на ладони, а «Науд» казался чем-то тяжелым, но надежным – то ли весло, то ли меч. Рагна-Гейда то вздыхала, то смеялась, а вот плакать не хотелось вовсе. Руны не лгут. «Уруз» согревал ее, как огонь в темную морозную ночь. С ним, заключившим в себе истинную волю сердца и силу любви, она чувствовала себя способной пробиться через любую бурю и одолеть любую бездну.

Прижимая к груди крепко завязанный мешочек с рунами, Рагна-Гейда выскользнула из кладовки. Никому на свете – кроме разве одного-единственного человека – она не рассказала бы о своем гадании, желая спрятать его от чужих глаз, как величайшую драгоценность. Родичи возле очага в гриднице все толковали об устройстве семейных дел, но Рагну-Гейду не тянуло к ним присоединиться. Ей хотелось одиночества, тишины, прохлады, свежего воздуха. Хотелось побыть под открытым небом, величавым и чистым. Подхватив со скамьи чью-то меховую накидку, в потемках не разобрав даже чью именно, Рагна-Гейда просунула голову в разрез и проскользнула в сени, одеваясь на ходу.

Во дворе было хорошо: безветренно и не очень холодно. Свежий воздух казался густым от бродящих запахов палой листвы, мокрой увядающей травы, за которые Рагна-Гейда любила осень даже больше весны. Весна пахнет простой грязью, а осень — небесными мирами; осенью каждый перелесок, горящий множеством оттенков желтого, рыжего, красного цветов, кажется живым отражением пурпурно-золотых садов Асгарда. Глубоко вздохнув, Рагна-Гейда замерла, приклонясь спиной к стене дома и закрыв глаза, чувствуя, как где-то в груди ширится и растет горячее чувство счастья, беспричинного и именно потому особенно остро ощутимого. Перед глазами ее стоял Вигмар. Здесь, дома, она вспоминала его еще чаще и ярче, чем на Остром мысу. Вся усадьба была так полна его образом, что Рагну-Гейду удивляло, почему другие этого не замечают. Вот здесь возле дверей они столкнулись однажды, когда он приезжал к ним прошлой зимой; идущий впереди Хальм толковал что-то о своей кузнице, но Рагна-Гейда поймала взгляд Вигмара, радостный, значительный и чуть-чуть виноватый, и поняла, что он приехал ради нее. И стало так весело, что она вышла во двор, смеясь, как дурочка, и вся усадьба вдруг осветилась новым светом, как будто неожиданно настала весна. Вот на этой скамье он сидел... А здесь, возле очага, сидела она и думала о нем, и поэтому очаг тоже напоминал о Вигмаре. Душа Рагны-Гейды не могла существовать отдельно от его образа, и никакие законы не имели силы отнять у нее эту любовь.

Вдруг кто-то глубоко и тяжело вздохнул в темноте. Рагна-Гейда ничего не видела, но не испугалась: во вздохе слышалось что-то родное и знакомое.

– Кто тут?– шепнула она.– Вдыхальный тролль?

– Это я,– грустно ответил знакомый голос, и из-за угла дома показалась широкоплечая фигура, еще по-юношески нескладная, с непомерно длинными руками и ногами, со светлеющей в потемках головой.

– Ты чего так вздыхаешь? Опять рубаху разорвал? Давай я зашью, и мать ничего не узнает!– шутливо шепнула Рагна-Гейда, вспоминая горести брата десятилетней давности.

– И ты еще можешь смеяться!– с упреком отозвался Гейр и прислонился к стене рядом с сестрой.– Правда, и то хорошо. Я уж думал, ты никогда не... Ну, чего там слышно?

– Нас всех уже благословила десница богини Вар!– бодро ответила Рагна-Гейда.– Скъельду сватают Халльберу из Орешника, меня отдают за Атли. Твой жребий еще не вынут: когда я выходила, мудрые властители выбирали между Гудрун из Осиновой Реки и Асгердой дочерью Хамунда. Помнишь Асгерду? Такая добрая девочка, была у нас на Середине Лета*, все молчала и улыбалась. Правда, ей всего четырнадцать, но зато у ее отца сильная дружина, а у нее самой покладистый нрав. Вы поладите.

– Вот и я про то. И ты еще можешь смеяться!– горестно повторил Гейр, как будто не надеялся отныне на понимание ни одной родной души.

Рагна-Гейда вздохнула в ответ. Брат и сестра помолчали.

– Послушай, как ты думаешь... – начал было Гейр, но в нерешительности замолк.

– Я думаю, все еще будет хорошо, – искренне ответила Рагна-Гейда.

– Если бы! Я вот что... Может, тебе мать рассказывала... Ну, ты и в рунах понимаешь...

– Я уже мерзну! – пожаловалась Рагна-Гейда и обняла себя за плечи. Тепло дома из нее выветрилось, холод осенней ночи беззастенчиво проникал под накидку и рубаху. – Говори скорее, о клен копий. Я охотно поделюсь с тобой всей мудростью, какой наградили меня боги.

Гейр стянул с плеч плащ и закутал в него сестру. Принеся вещей вельве* эту жертву, он несколько приободрился и заговорил смелее:

– Я вот все думаю... Уже много дней думаю...

– Это очень полезное дело! – не удержавшись, одобрила Рагна-Гейда. – Даже Сигурд иногда думал.

– Как по-твоему: могут боги наказывать целый род за провинность кого-то одного?

Рагна-Гейда вздрогнула: она не ждала такого удара. Неужели он что-то знает... Нет, не может быть! Но, как ни хорошо понимала Рагна-Гейда пределы мудрости и проницательности младшего брата, сейчас она готова была поверить, что лесные птицы или горные тролли рассказали ему все.

— Я думаю... — виноватым шепотом продолжал Гейр. — Может, это я во всем виноват...

— Ты? — изумилась Рагна-Гейда, не готовая к такому предположению. — Ты-то в чем можешь быть виноват?

Голос девушки явно выдавал убежденность, что ей точно известен совсем другой виновник. Но Гейр слишком погрузился в свои мысли и ничего не заметил.

— Я... Ну, что все это: что тебя ни за кого на тинге не сосватали и что войну объявили... Может, это я виноват?

— Объясни! — потребовала Рагна-Гейда, напрасно слясь разглядеть в темноте лицо брата, который возвышался над ней почти на целую голову. — Любая норна скажет яснее! Говори же, ну? Ты о чем?

— Помнишь, когда Эггбранда хоронили...

— Ну, ну, помню! Дальше что? — торопила Рагна-Гейда, на самом деле не задумываясь, что такого она помнит о похоронах брата.

— Тогда надо было приносить жертву сварт-альвам...

— Да, — не сразу, а чуть помолчав, выдохнула Рагна-Гейда.

Теперь она вспомнила все, и чувство вины воскресло в ней опять, с новой и страшной силой. Теперь не только Вигмар виноват перед ней, но и она виновата перед ним — как дочь рода, убившего его сестру. Пусть неродную, но Вигмар любил ее. Еще один кровавый след, еще одна бездна между ними. Раньше Рагна-Гейда старалась не думать, даже не вспоминала об этом обычае и не спрашивала, как его испол-

нили. Мысль об Эльдис, убитой ради посмертного спокойствия Эггбранда, вызывала у нее такой сильный ужас, что она бессознательно закрывала глаза.

— Я не мог... — шептал тем временем Гейр, которому больше не хватало сил нести груз вины перед родом в одиночестве.— Я не хотел, чтобы ее сварт-альвы забрали... Она же ни в чем не виновата!— вдруг с неожиданной страстью выкрикнул он, и Рагна-Гейда в испуге зажала брату рот ладонью. А Гейр продолжал потише, но с прежней решимостью снять вину с хрупких плеч девочки и переложить на свои: — Я видел: Эггбранд сам к ней полез! Сам полез, она его не трогала! Он тоже виноват! Что бы там ни говорили! Я его тоже люблю... любил, и мстить, конечно, надо, но не ей! Она и так... В общем, я ее забрал оттуда. И к Гриму Опушке отвез. Боргтруд обещала спрятать.

— Откуда — оттуда?— не смея поверить в такое счастье, прошептала Рагна-Гейда. Ей хотелось услышать еще раз.

— Ну, с кургана. Прямо-прямо перед ними, перед сварт-альвами, успел. Они уже близко были, я слышал. Она вся замерзшая была, как ледышка, но живая. Я ее к Боргтруд отвез. Она обещала ее спрятать. Вот я теперь и думаю: может, это все мне в наказание? Что я такой глупый и бессовестный? Сам не знаю, что на меня тогда нашло... Может, надо еще какую-нибудь жертву принести? Только не человеческую! Я этого больше не выдержу! Мне все мерещилось, что я сам там лежу! А теперь война эта... А?

Гейр ждал изумления, горестных упреков, требования рассказать обо всем родне... И не меньше, чем Рагна-Гейда его признанием, был потрясен, когда сестра с коротким счастливым криком бросилась ему на шею. Он, мгновение назад готовый взять на себя вину целого племени, так и не понял, чем так осчастливил любимую сестру.

На усадьбе Бальдвиг (которая, кстати, называлась Край Света, и с точки зрения раудов название вполне отвечало сути) Вигмара ожидали известия, с одной стороны вероятные, а с другой – неожиданные. Квитт понимал, что невидимая черта между владениями Хроара и Бальдвиги вовсе не отделяет мир живых от мира мертвых (как, скажите на милость, разбираться, где какая сторона?). Он прекрасно понимал, что его будут искать и в конце концов кто-нибудь вспомнит о старой дружбе Хроара Безногого с Бальдвигом Окольным. Вигмар был готов к тому, что за время их поездки к Островному проливу в усадьбе побывали Стролинги. Но на деле обнаружилось другое.

– Дней десять назад приезжал один человек, – робко доложила Альвтруд, когда мужчины вымылись с дороги и наконец уселись за стол.

При этом она бросила неуверенный взгляд на Вигмара, объяснивший, что неизвестный гость приезжал отнюдь не к хозяину усадьбы.

Бальдвиг, который до того благодушно улыбался, доволь-

ный благополучным возвращением и встречей с родным домом, сразу стер с лица блаженное сияние и повернулся к племяннице:

– Что за человек? Он назвал себя? Кто его прислал?

– Он сказал, что его зовут Рандвер Кошка.

Бальдвиг вопросительно глянул на Вигмара. Но тот лишь пожал плечами: имя казалось лишь смутно знакомым. Среди родичей, друзей и домочадцев Стролингов он такого человека не помнил.

– Он сказал, что его прислал Модвид Весло,– закончила Альвтруд.– И пообещал потом заехать еще.

– Мог бы не трудиться!– с неудовольствием заметил Бальдвиг.– Я слышал об этом человеке – ведь это он как-то недолго был вашим хевдингом, да, Вигмар? Не думаю, что он принесет удачу кому-нибудь, и тем более тебе.

– Да уж, миротворцем его не называют,– несколько растерянно согласился Вигмар. Он не мог взять в толк, что Модвиду могло понадобиться. В прежние годы они тихо недобливали друг друга, но до открытой вражды дело не доходило. Едва ли Модвид решил отличиться и прикончить объявленного вне закона. Сейчас у него, пожалуй, найдутся и другие дела. Или он за прошедшее время помирился со Стролингами и решил помочь им отомстить? Но в это верилось с трудом.

Несколько дней Вигмар прожил, бесцельно слоняясь по усадьбе и окрестностям, и не раз обнаруживал себя на пути

к Серому Кабану: ноги пытались унести его туда, не советуясь с головой. А голова держалась мнения, что делать этого нельзя ни в коем случае. Объявление вне закона бессрочно – вернуться домой Вигмару можно будет только после примирения со Стролингами, а это случится не раньше Затмения Богов. Стролинги не из тех, кто соглашается держать сына и брата в кошельке³.

– Пожалуй, я сам съезжу к твоему отцу, – решил Бальдвиг на пятый день после приезда. – Иначе ты впадешь в безумие берсерка и убежишь туда, где наверняка расстанешься с головой. И меня не утешит, если с собой в Валхаллу ты прихватишь трех-четырёх этих... Гислингов?

– Стролингов, – мимоходом поправил Вигмар. – Ты правда хочешь ехать?

– Конечно. У меня там нет врагов. Даже если кто и знает, что ты здесь, мне самому это ничем не грозит. Слава Фрейру и Фрейе, решения вашего тинга не имеют силы за пределами Квиттинга! Я не прочь повидать моего друга Хроара. А заодно и намекну ему, что... что на вашем так называемом Севере, – Бальдвиг усмехнулся, поскольку для раудов Квиттингский Север находился на юге, – скоро может стать слишком жарко для такого почтенного человека. Несмотря на близкую зиму.

– Мудрый правду без подсказки скажет, – пробормотал

---

³ Намек на древнюю поговорку, согласно которой принявший выкуп за смерть родича и тем отказавшийся от мести носит сына в кошельке.

Вигмар.

Всю дорогу от Островного пролива ему хотелось обернуться: за спиной мерещился топот огромного войска, по их следам идущего на Квиттинг.

— У вас нет родичей где-нибудь подальше отсюда? В вашем чудесном Медном Лесу?— спросил Бальдвиг.

Но Вигмар покачал головой. У них не было родичей больше нигде.

Бальдвиг совсем приготовился к поездке, но она не понадобилась. На другой день после этого разговора в усадьбу Край Света снова приехал Рандвер Кошка.

— Мне нужно повидаться с Вигмаром сыном Хроара,— заявил он после того, как к нему вышел хозяин.— И я клянусь столбами Тюрсхейма, что не собираюсь причинять ему никакого вреда.

— Это хорошо, а то еще неизвестно, кто из нас кому причинил бы вред,— ответил ему сам Вигмар, как раз в это время поспевший вслед за Бальдвигом выйти из гридницы.— Кто тебя прислал?

— Меня прислал Модвид Весло.— Рандвер перевел взгляд на Вигмара, не удивившись его внезапному появлению.— Он зовет тебя приехать к нему. И я готов повторить ту же самую клятву от его имени. Поскольку, если вы с ним встретитесь лицом к лицу, будет трудно угадать, кто кому причинит наибольший вред,— с едва заметной насмешкой добавил он.

Вигмар не ответил. Модвид считался вовсе не плохим

бойцом, так что в словах Рандвера было немало правды.

— Зачем я ему понадобился?— спросил Вигмар.

— Это он объяснит тебе сам. А я могу сказать одно: он давненько недолюбливает род Стролингов, и у него есть для того немало причин. Кажется, у тебя тоже есть такая причина. Разве не умно предположить, что вам стоит держаться вместе?

— Может быть, позовешь его в дом?— предложил Вигмар Бальдвигу.— Все-таки от Модвидовой усадьбы тут недалеко.

Гостеприимный Бальдвиг охотно выполнил просьбу и повел Рандвера в дом. Вигмар шел следом. На самом деле он хотел не столько проявить учтивость, сколько получить время на размышление. Предложение Рандвера затронуло в его душе самое чувствительное место. В мирной и изобильной усадьбе Бальдвига все ему было постыло, и по ночам он не столько спал, сколько ворочался, будто на острых камнях. Его мучило беспокойство об оставленных близких, терзала тоска по Рагне-Гейде, неизвестность собственного будущего. Жить на границе в ожидании войны хорошо тому, кто мечтает побыстрее погибнуть со славой. А Вигмар пока не хотел умирать: оставалось слишком много неоконченных дел и в то же время никакой возможности взяться за них. Предложение Модвида позволяло ему вернуться на землю квиттов, а это уже немалый шаг ко всему остальному.

И еще прежде, чем Альвтруд поднесла гостю браги, Вигмар принял решение.

— Я приеду к вам,— просто сказал он Рандверу.— Ты понимаешь, что мне не следует разгуливать по земле квиттов в одиночку...

— Модвид пришлет за тобой людей!— поспешно заверил обрадованный Рандвер, имевший приказ не возвращаться без согласия.— Хоть десять, хоть полтора десятка...

— Я не конунг, чтобы разъезжать с такой дружиной!— Вигмар натянуто рассмеялся.— Я просто хочу сказать: если к вам в ворота постучатся перед рассветом, не надо думать, что это Эггбранд сын Кольбьерна встал из могилы.

— Когда ты хочешь ехать? Если не позже двух-трех дней, то я могу подождать, и мы отправимся вместе,— предложил Рандвер.

Вигмар кивнул:

— Я не успел слишком разбогатеть. Мне не нужно долго собираться.

Когда уставшего от поездки Рандвера увели отдыхать, Бальдвиг долго молчал и только поглядывал на Вигмара из-под насупленных бровей.

— Не молчи, иначе будешь плохо спать,— посоветовал Вигмар.— Ты сейчас похож на торговца, у которого единственный пятнадцатилетний сын собрался в поход с «морским конунгом». Ты считаешь, я не слишком хорошо придумал?

— Я молчу, потому что ты сам отлично знаешь, что здесь можно сказать,— ответил Бальдвиг.— И я не твой отец, чтобы тебя переубеждать... Впрочем, и твоему отцу это редко

удавалось.

Вигмар пожал плечами: уговоры и вправду не принесли бы пользы.

— Кто он такой, этот Модвид, что ты веришь ему, как родному брату?— снова заговорил Бальдвиг.— Тебе не кажется, что придется ехать по волчьей тропе? Все это очень похоже на предательство. Подумай: если этот Модвид схватит тебя и привезет к Стролингам, то они охотно помирятся с ним! Ведь он у них никого еще не убивал?

— Не знаю,— не слишком весело усмехнулся Вигмар.— Я не один такой отважный, а прошел целый месяц...

— Зато я знаю: этот Модвид ведь тоже сватался к дочери Кольбьерна, не так ли? Твоя голова будет отличным свадебным даром, верно?

Вигмар промолчал. Если уж Бальдвиг упомянул о Рагне-Гейде, значит, его переполняют наихудшие предчувствия и он готов прибегнуть к любым средствам, даже самым болезненным.

— Может быть, самой невесте этот дар и не придется по вкусу, зато ее родне покажется не хуже золота Фафнира или этого вашего... Старого Оленя,— ворчливо продолжал Бальдвиг, похоже, сам не в восторге от собственных доводов.— Я бы на твоём месте предпочел явиться к девушке чуть попозже, зато с головой на плечах.

— Попозже — это как?— невыразительно поинтересовался Вигмар.— Под славным стягом славного Ульвхебина ярла?

Тогда она и смотреть в мою сторону не захочет. Я тебе уже об этом говорил.

Бальдвиг промолчал. И только когда гость пошел к дверям, буркнул вслед:

– «Славный стяг славного Ульвхебина»! А еще называется скальд!

Вигмар и Рандвер выехали вечером, в сумерках. По дороге Рандвер по большей части молчал, да и спутник его не имел охоты разговаривать. Он снова оказался на земле квиттов, без труда узнавал в темноте знакомые долины и перелески, и даже ветер здесь казался другим. Вигмар слышал дыхание земли под копытами его коня и сам дышал вместе с ней. Его переполняла какая-то сумасшедшая веселость. Он был уверен, что поступил правильно, что едет по дороге своей судьбы, и неважно, приведет она к радости или к смерти. В эту ночь Лисица ни о чем не тревожился и ничего не боялся. Нет ничего страшнее, чем чужая судьба, а в своей собственной даже беды – правильные, потому что ведут тебя к твоему предназначению на земле.

На рассвете добрались до усадьбы Ореховый Куст. Рандвер постучал каким-то условленным знаком. Ворота раскрылись, выглянула женщина с белеющим в сумерках головным покрывалом.

– Ну?– шепотом спросила она. Увидев Вигмара, женщина тихо ойкнула.

Рандвер въехал во двор, подав знак следовать за ним, а женщина торопливо зашептала:

— Идите в дружинный дом, а в большой пока не надо. Вчера приехал Сигмунд Журавль, от хевдинга. Хевдинг приказывает собирать войско, он радовался, что у нас уже так много. Но если увидит вас, то никак...

— Молчи, я сам знаю,— прервал ее Рандвер и повел гостя в дружинный дом.— Обожди пока здесь. Долго еще этот Сигмунд у вас будет?— обратился он к женщине.

— Сегодня должен уехать. Сказал, ему еще много усадеб надо объехать, а у нас и так много...

Что людей действительно собралось много, Вигмар сразу же убедился сам. Дружинный дом был полон — только здесь ночевало не меньше тридцати хирдманов. А сколько еще в хозяйском? Среди дремлющих и просыпающихся Вигмар быстро разглядел знакомое лицо: Квист, сын того самого Кетиля Ржанки, в семью которого он думал выдать Эльдис.

— Эй, парень!— Вигмар тряхнул его за плечо.— Ты чего тут делаешь?

— А?— Квист, светловолосый парень лет двадцати, вскинул голову, глуповато хлопая глазами спросонья.— Ой!

Едва он разглядел в потемках, кто именно его разбудил, как на лице отразился ужас. Парень попытался отползти подальше от края лежанки, толкнул соседа; тот недовольно промычал что-то и пихнул локтем в ответ.

— Да не бойся ты!— утешил его Вигмар.— Ты что, как ма-

ленький! Я же не кусаюсь!

– А ты... ты не привидение?– опасливо уточнил Квист.

– Чего нет, того нет!– Вигмар усмехнулся и мотнул головой.– Если бы я был привидением, то посещал бы по ночам не тебя, а кого-нибудь другого!

– А как ты сюда попал? Тебя же все ищут!

– Ищут – вот и нашли. Лучше расскажи, как ты сюда попал! Что – дома надоело? Помнится, у твоего отца не было лишних работников!

– Так ведь война,– растерянно пояснил парень.– А Модвид обещал эйрир серебра и кормить, сколько влезет. Он по всей округе собирал людей и еще дальше ездил куда-то. Тут сейчас столько народу – вся его родня. И этот... громкий та-кой.

– Сэг-Гельмир?

– Ну, вроде того. Я не помню.– Квист зевнул, и Вигмар почему-то подумал, что толкового хирдмана из этого парня не выйдет даже за десять эйриров.– И этот... от хевдинга который... Говорит, скоро воевать будем.

– Это он правду говорит.– Вигмар кивнул. К мыслям о близкой войне он привык настолько, что они его почти не занимали. Он подумал, не спросить ли у Квиста о своих родичах и о Стролингах, но не стал. Пусть спит, хомяк, опоясанный мечом!

Вигмару пришлось просидеть в дружинном доме почти до полудня, пока шум и конский топот во дворе не возвестил,

что Сигмунд Журавль с дружиной уехали. Почти тотчас же за Вигмаром зашел Рандвер и повел в хозяйский дом.

– Тьфу! Приволок-таки!– ворчливо воскликнула невысокая полноватая женщина, встретившаяся им в сенях. По вдо-
виему покрывалу на ее голове и золотым цепям на груди Виг-
мар заключил, что это и есть фру Оддборг, мать Модвида.–
Удачи ему, видите ли! Нашел, где взять! Про этого оборотня
не скажешь, что он слишком удачлив!

– Я рад, что ты приехал!– сказал Вигмару сам хозяин и
даже улыбнулся. Гость мысленно присвистнул: вот уж чего
между ним и Модвидом Весло никогда не водилось, так это
приветливых улыбок.

Та женщина, что утром открыла ворота, поднесла Вигма-
ру пива. Фру Оддборг, конечно, не могла унизиться до то-
го, чтобы угощать всяких оборотней, в придачу объявлен-
ных вне закона. Вигмар только коснулся губами края чаши
и вертел ее в руках, вопросительно поглядывая на хозяина.
Сейчас не тот случай, когда из вежливости разговор о деле
откладывают до середины зимы.

– Теперь мы с тобой должны держаться вместе,– обрывоч-
но и неловко приговаривал Модвид, и Лисица был уверен,
что тот чего-то темнит.– Я рад, что ты не дал воли страху и
низким подозрениям... Ведь они у тебя имелись?– спросил
Модвид, пытливо заглядывая в глаза Вигмару.

– Ничего,– небрежно бросил Вигмар, не удивляясь такой
проницательности.– Я бессмертный.

Хозяева переглянулись. Видно было, что они сами не знают, верить или нет. И на всякий случай верят.

— Однако ты — удачливый человек,— сказал Модвид.— Может быть, не во всем, но, несомненно, только удача помогла тебе избежать многих бед. Ты совершил такое, что не под силу никому — сначала одолел Старого Оленя и забрал лучшее из его сокровищ.— Взгляд хозяина с завистью скользнул по сверкающему острию Поющего Жала, которое Вигмар принес с собой.— А потом еще убил одного из Стролингов и ушел невредимым. Признаться, раньше я не думал, что такое вообще возможно.

Вигмар пожал плечами. Что толку рассуждать: возможно, невозможно? Каждый делает то, что ему по силам.

— А мне кажется, ты не так уж нуждаешься в дружине, чтобы собирать к себе объявленных вне закона,— сказал он.— У тебя хватает людей. Будем говорить прямо: зачем я тебе нужен?

— Нужен!— фыркнула фру Оддборг. При всем презрении к желтоглазому разбойнику она не смогла побороть любопытства и пришла в гридницу поглядеть на него.— Другой бы благодарил: где еще объявленному вне закона дадут приют?

— У меня был приют,— спокойно заметил Вигмар.— Я мог остаться в дружине Бьяртмара, конунга раудов. И Бальдвиг меня не гнал. Не я искал вас, а вы меня. Значит...

— Я не буду тебя обманывать,— прямо ответил Модвид, который не жаловал хитрости и уловки.— Мне нужна твоя уда-

ча, а ее можно принести только добровольно. Я расскажу тебе все. Ты сам знаешь, между мною и Стролингами никогда не водилось особой дружбы. Они нанесли мне немало обид, и последней из них ты сам был свидетелем. Ты ведь был в Гранитном Круге, когда они отказались отдать за меня свою дочь?

Вигмар кивнул. Он чувствовал, как мускулы его лица натягиваются и застывают. Модвид ничего не знает о их отношениях с Рагной-Гейдой, просто не может знать.

– И теперь пришло хорошее время отплатить им за все!– горячо продолжал тот. Как видно, он много рассуждал об этом наедине с собой и обрадовался случаю наконец высказаться вслух.– Сейчас, когда у всех на уме одни фьялли... Знаешь, как говорят: кто помогает вовремя, тот помогает вдвойне. Так и здесь: кто нападает вовремя, тот нападает вдвое сильнее! И это буду я! Хевдинг будет очень рад услышать, что я собрал неплохое войско – шесть десятков человек! Но ему уже не так понравится узнать, что все Стролинги перебиты!

– И ты хочешь, чтобы я пошел с тобой?– невыразительно спросил Вигмар. Ему вспомнился Гаммаль-Хьерт, заунывно выкликающий на бой Старого Строля, умершего пять веков назад. Пылающий жаждой крови Модвид казался ничуть не лучше. И присоединяться к нему не хотелось совсем.

– А ты разве не хочешь?– Модвиду хватило проницательности заметить темное облачко на лице гостя.– Тебе ведь это

нужно не меньше, чем мне. Гораздо больше! Или ты легко обменял одного на двоих? Неудачная сделка, я бы сказал!

— Ты о чем?— Вигмар поднял глаза.— Какие два на одного?

— А ты не знаешь?

Модвид помолчал, удивленно глядя в лицо Вигмару. Все в гриднице тоже молчали. И Вигмар вдруг понял, какие «два» у него были.

— Ведь Стролинги разорили твою усадьбу и сожгли твоего отца в доме,— сказал наконец Модвид.— А твою сестру принесли в жертву сварт-альвам на кургане Эггбранда. У них есть такой обычай. Она, я помню, побочная, но ты везде брал девчонку с собой, и я подумал, что она тоже была тебе дорога...

Модвид не стал продолжать, поняв, что собеседник его уже не слышит. Вигмар смотрел прямо перед собой, но не видел ничего. Вдруг стало пусто, как будто невидимый топор с коротким свистом обрубил пространство, оставив лишь тесный клочок, на котором он едва помещался, во тьме, без воздуха, без выхода. Не осталось ни одной ясной мысли, ни одного побуждения, а только серое, давящее, душащее чувство беспросветного и бесконечного одиночества. Отныне он один во всем мире, таком огромном, что даже названия не подберешь. Та огромная дыра, дующая стылыми ветрами, которую он ощутил рядом с собой после убийства Эггбранда, снова распахнула свою бездонную пасть. Только теперь она была гораздо ближе.

Фру Оддборг поджимала губы, Модвид бровями делал ей знаки молчать. Он понял, что больше ему не придется тратить слова на уговоры гостя.

Глава 3

В последний день перед отъездом на свадьбу Рагна-Гейда проснулась до рассвета и долго лежала, глядя в темноту и вспоминая свой сон. Вчера ей не сразу удалось заснуть: едва лишь накатывалась дрема, как начинало мерещиться, что где-то рядом стоит огромный серый тролль, туманно-расплывчатых очертаний и без лица, и протягивает руки, чтобы схватить ее, как только она заснет. Но Рагне-Гейде было не страшно, а только тоскливо, так же как и все последние дни. Поэтому она не сопротивлялась дреме и заснула. И серый тролль исчез – наверное, он не успел, неповоротливый и вялый, проскользнуть в ее сон.

А Рагна-Гейда оказалась в густом лесу, где деревья росли такие огромные, что люди перед ними казались всего лишь букашками. Между исполинскими толстыми стволами тянулась узенькая, едва заметная тропинка, густо усеянная палыми листьями. Груды упругой листвы глушили звуки шагов, и человеческие ноги ступали бесшумно, будто мохнатые лапы лесных троллей.

Впереди шел Вигмар и вел ее за руку куда-то в глубь леса по этой призрачной дорожке. Он не оборачивался, не говорил ни слова, и ей тоже не хотелось разговаривать. Им нечего было сказать друг другу. Откуда-то взялось твердое убеждение, что вот так идти вдвоем через лес – это единствен-

ное, что им осталось. Исполинский лес составлял весь мир, а больше ничего не было.

Путники дошли до крошечной избушки с крышей, густо поросшей мхом. Вигмар оставил Рагну-Гейду под огромным деревом и велел ждать, а сам ушел в избушку. «Не нужно, чтобы кто-то тебя видел,— сказал он на прощанье.— Я скоро вернусь». Дверь избушки открылась с противным скрипом, Вигмар шагнул внутрь, низко наклоняясь под притолокой, и дверь закрылась. Рагна-Гейда ждала и чувствовала, что умирает, потому что осталась совсем одна, а одной на свете жить невозможно, как невозможно деревцу жить без земли. Замшелая дверь избушки, за которой скрылся Вигмар, увела его в какой-то другой мир. Рагна-Гейда ждала, вернее, просто сидела в гуще остановившегося времени и не знала, давно ли он ушел, когда же наступит это «скоро», а может, оно давно прошло... Вокруг стояла тишина, и только ветви огромного дерева смутно и загадочно шептали что-то на недостижимой высоте.

А больше она ничего не помнила. Сон оставил тяжелое впечатление, но и пробуждение не принесло радости. Там, во сне, хотя бы Вигмар был рядом. Он вернется из этой замшелой избушки, больше похожей на кочку, непременно вернется. Разве не это ей обещала руна «Уруз»? Во сне у нее имелась надежда. А здесь, наяву, Рагна-Гейда в последний раз в жизни проснулась в женском покое усадьбы Оленья Роща, откуда ей сегодня предстоит ехать к Атли сыну Логмунда,

чтобы стать его женой.

Тихонько, стараясь никого не разбудить, Рагна-Гейда оделась и выбралась из душного покоя на воздух. При взгляде на каждую вещь тоска в сердце крепла: лучше бы их совсем не было, этих «последних»: последнего вечера дома, последнего утра, последнего умывания, последнего взгляда. Сгорело бы все в один миг... с ней самой вместе!

Рагна-Гейда не могла понять, кончился сон или все еще длится. Темнота была такой тягучей, тоска висела в воздухе, разум молчал, а душа не верила. Сердце Рагны-Гейды не знало отчаяния, ей не хотелось плакать и вызывать к богам – у нее просто не осталось на это сил. Девушка только знала, что теплое лето ее любви, радости, призрачной надежды на счастье миновало, наступила осень; она засыпала, убаюканная прохладой, как засыпают травы и деревья, и зима подошла к самому порогу. Рагна-Гейда уже не верила, что и завтра тоже будет какая-то жизнь.

Отворив дверь сеней, Рагна-Гейда обнаружила, что не ей одной захотелось подышать. Гейр стоял возле угла дружинного дома и с угрюмой сосредоточенностью пинал носком башмака бочку с водой.

– Ты чего?– вполголоса окликнула его Рагна-Гейда.– Чего не спишь? Еще рано.

– А ты чего?– отозвался Гейр, хмуро глянув на сестру.– Тебе бы поспать подольше – потом уж...

Он не договорил и снова пнул бочку. Такое поведение

больше подошло бы раздосадованному мальчику лет тринадцати, а не взрослому парню, которому к Празднику Дис* исполнится девятнадцать.

– Мне какая-то дрянь снилась, – чуть погода снова заговорил Гейр.

«И тебе?» – хотела спросить Рагна-Гейда, но не спросила. Прислонившись спиной к промерзшей двери, она молча смотрела на брата: больше ей никогда не доведется выйти на рассвете из дома и увидеть его. Никогда-никогда.

– Как-то мне мерзко, – угрюмо продолжал Гейр. Даже и при желании он не смог бы выразиться яснее. – Когда мы там, на побережье летом, мертвеца нашли, а потом на нас фьялли накинулись – вот тогда мне вечером так же мерзко было. Вот как сейчас.

– Значит, это у тебя предчувствие, – равнодушно обронила Рагна-Гейда. Сейчас ее ничто не могло оживить.

– Да ну, где мне! – буркнул Гейр. Он не верил, что сам может оказаться таким мудрецом, чтобы иметь верные предчувствия и немного предсказывать будущее. – Просто – мерзко.

Рагна-Гейда молча кивнула. Ей тоже было просто – мерзко.

В сумерках из ворот усадьбы Ореховый Куст выехал довольно большой отряд – шестьдесят семь хирдманов, не считая вождей. Сам Модвид Весло ехал впереди со своими ро-

дичами Сэг-Гельмиром и Хаки, которого все звали просто Скалли – Лысый. «Самое важное – чтобы никто нас не увидел раньше времени – так сказал Модвид вчера своим хирдманам. – Поэтому мы будем ехать всю ночь, день проведем в Осиновом логу, а как стемнеет, подберемся к самой усадьбе».

Вигмар ехал в середине строя, чувствуя за плечом привычную тяжесть копья. Дружина несла его, как волны щепку, а самому не приходится ни о чем думать и ничего решать. Нечто похожее уже было, когда он месяц назад ехал с Бальдвигом на тинг. Но тогда беглец только вступил в серое море отчуждения, а сейчас провалился в него с головой. Его родные погибли, и прежде всего следует отомстить за них. А все остальное потом. Раньше он думал, что может решать сам за себя и жить так, как хочется. Боги научили дерзкого смертного уму-разуму, как щенка учат палкой. Напрасно он надеялся унести вину с собой. Она осталась, накрыла отца и сестру, ее невозможно оторвать от них, как нельзя унести с собой землю и воздух родины. Теперь осталось выполнить долг – отомстить. А потом думать, как жить дальше. Если получится.

Когда Вигмар выходил из дружинного дома, Поющее Жало задело косяк и зазвенело так, что люди по всему двору обернулись. «Это значит, что мое копьё нанесет сегодня славный удар!» – пояснил Вигмар. Он надеялся, что угостит свое оружие кровью еще кого-нибудь из рода Стролингов. И

Модвид остался чрезвычайно доволен знаанием.

«Хотела бы я знать, что ты собираешься делать потом?— спрашивала сына фру Оддборг, когда мужчины принимались обсуждать свои будущие действия.— Найдутся охотники отомстить тебе за Стролингов. Хотя бы тот же хевдинг».— «Я никого не боюсь!— уверенно отвечал Модвид.— Хевдингу и всем прочим будет не до меня. Фьялли вот-вот начнут наступление. И Торбранд конунг будет рад любому другу, который найдется в этих землях. Если я назовусь другом, то без труда снова стану хевдингом. И уж тогда никто не помещает мне оставаться им до самой смерти!»

Вигмар слушал, не пытаясь поделить с хозяином тем, что сам знал. Что наступать в этом направлении будут не фьялли, а рауды, что раудам нужна земля, поэтому следующим хевдингом Квиттингского Севера станет кто-нибудь из племени Фрейра. Или даже славный Эрнольв ярл, муж Ингирид...

При мысли об Ингирид ее образ мгновенно вставал перед взором. Даже сидя в седле, Вигмар чувствовал ее так близко, как будто красавица пристроилась у него за спиной. Девчонка неумна, но горяча и мстительна — с нее станет попытка навести на него порчу издалека. Впрочем, Лисица не боялся. Ему было все равно.

«А почему ты собираешься напасть в усадьбе Логмунда, а не в Оленьей Роще?» — спросил он только, когда Модвид рассказывал хирдманам о своем замысле.

«Потому что они возьмут в гости только половину дружины и одолеть их будет легче,— ответил Модвид.— А Логмунд уже почти их родич. Ты, верно, не знаешь, что они выдают дочь за Атли. Я позабочусь, чтобы некому было отомстить за них».

Больше Вигмар ничего не спросил, не желая наводить разговор на Рагну-Гейду. Он запретил себе думать о девушке, и наконец это стало получаться. Боль от смерти родичей, в которой виноват он сам, убила его душу и выжгла все прежние чувства. Даже любви там больше не оставалось. Вигмар уже не помнил, как это было, когда он любил Рагну-Гейду. Больше ничего подобного не будет. Между ними уже легли три мертвых тела, а завтра их станет гораздо больше. Все связи порваны, они теперь в разных мирах. И лучшее, что можно сделать,— просто не думать друг о друге. И Вигмар не думал.

Гридница усадьбы Кротовое Поле была полна гостей. Рагна-Гейда сидела в середине женского стола, обеими руками сжимая маленький мешочек с рунами, лежащий на коленях. Все кончилось: обеты произнесены, она обменялась подарками с Ормтруд, сестрой Атли, и вошла в их род. У нее не осталось никаких надежд, она ничего не ждала и даже ясно не желала. Голова казалась тяжелой, в душе зияла пустота, а руки сжимали заветный мешочек. Девушка уже не помнила, что именно обещали руны, но где-то в уголке сознания жило чувство, что они — последняя призрачная дорожка к че-

му-то... Как та тропинка, устланная палыми листьями, которую она вчера видела во сне...

Атли, нарядный, пьяный и довольный, опять сполз со своего места, держа в руке меч с надетым на клинок серебряным обручем. Громко хохоча, он пошел через палату к Кольбьерну, сидевшему напротив, на втором почетном сиденье. Кольбьерн тоже встал и пошел к нему навстречу, вытянув вперед меч. У Рагны-Гейды вдруг тревожно и сладко дрогнуло сердце: отец и Атли, идущие друг на друга с мечами,— что может быть лучше? Отчего бы Атли сейчас не споткнуться и не упасть прямо на клинок? Рагна-Гейда представила это так ярко, что сама испугалась.

Но ничего подобного не произошло: на середине палаты Атли и Кольбьерн встретились, Кольбьерн над пламенем очага продел конец своего меча в обручье, снял его с меча Атли и под одобрительный хохот гостей направился назад на место. Атли щедро одарил всю новую родню, не считая венна*: по обручью получили все родичи Рагны-Гейды, приехавшие на свадьбу. А здесь не хватало только двоих: Хальма, который остался присматривать за усадьбой, и Гейра. Почему не поехал младший брат, Рагна-Гейда не спрашивала: ему было мерзко.

Кольбьерн и Атли вернулись на свои места, убрали мечи, и пир снова покатился своей дорогой, одна только Рагна-Гейда не успокоилась. В ней словно проснулся и забурлил какой-то новый родник; вскипели непонятные, тревож-

ные и манящие предчувствия. Казалось бы, все, она поймана и уперлась лбом в стену, надеяться не на что. Она и не надеялась. Просто вдруг стала пробирать беспокойная дрожь, так что было трудно усидеть на месте.

– Ничего, ничего!– Ормтруд хихикнула, бросив на нее многозначительный взгляд.– Я думаю, мой брат тоже не захочет слишком долго засиживаться за столом на собственной свадьбе...

Рагна-Гейда едва ее услышала и не успела вникнуть в слова. В переходе вдруг грохнула дверь, словно в нее ломился великан, какой-то хирдман ворвался в гридницу и закричал:

– Там идет войско! Войско! К оружию!

Его крик покрыл шум пира и повис, давя на уши. Мигом смех и говор умолкли, гости и хозяйева трясли головами, с пьяным недоумением поглядывая друг на друга.

– К оружию!– повторил хирдман.– Войско человек в сто! Мы закрыли ворота, но... Скорее, мужчины!

В наступившей тишине крики со двора стали слышнее. Опомнившись, все повскакивали с мест, гридница вновь ожила: мужчины срывали со стен оружие, разбирали щиты, нахлобучивали шлемы; женщины выбирались из-за стола, жались по углам, чтобы не попасться под ноги; веселый шум сменился тревожными криками, отрывистыми приказаниями, женским плачем:

– Это фьялли! Фьялли!

– Да какие фьялли – сто человек! У них сто тысяч!

– Хадгард, возьми людей и бегом к задней стене!

– Ключи! Где ключи от оружейной! К троллям замок!

– Огня побольше! Где факелы! Гротмунд! Где факелы, великий сын!

– Кто же это? Мы никому не делали зла!

– Тролли их знают! Но мы их встретим достойно!

– Может, передовой отряд?

Рагна-Гейда тоже вскочила с места и прижалась к стене, стиснув в руках мешочек с рунами. Она не испугалась: в каждой ее жилке дрожало какое-то возбуждение, так что хотелось кричать от тревоги и от радости. Сотни порывов рвали девушку на части, она закусила губу и безумными глазами скользила с одного лица на другое. Почему-то она сразу поверила, что это не ошибка и не шутка, что надвигаются грозные события. Фьялли это или не фьялли, но прошлое кончается этим вечером, и ничто уже не будет как было.

– Давайте бревно! Бревно, чтоб вас тролли драли! Скал-ли! – орал Модвид, первым подсказавший к воротам.

Как ни старался он подвести свою дружину незамеченной к самой усадьбе, там все же нашлось несколько трезвых хирдманов, которые ее заметили и подняли тревогу. Ворота успели закрыть, но на такой случай Модвид заблаговременно распорядился вырубить в Осиновом Логу хорошее крепкое дерево.

Сэг-Гельмир со своими людьми поскакал в обход усадьбы,

и вскоре вся она была окружена. Во дворе слышался шум – там тоже готовились к битве. Но Модвид оказался прав: кто нападает внезапно, нападает вдвое сильнее. Раздался первый удар бревна в ворота, разнесшийся по темной равнине как гром; еще удар и еще – и ворота затрещали, правая створка перекосилась внутрь.

– Давай! Сильнее! Еще!– нечеловеческим голосом орал Модвид, сбросив шлем и тяжело дыша от возбуждения, как будто битва уже осталась позади.– Что я говорил! Внутрь, живее! Мужчин рубить всех, кто попадется, женщин в гостевой дом! И не троньте никто дочь Кольбьерна! Голову снесу! Живее! Давай! Тролли и турсы!

Из-за ворот вслепую летели стрелы, почти не причиняя вреда; во дворе бестолково метались факелы, только подчеркивая суету и растерянность защитников усадьбы. Хмель – плохой помощник в битве. Ворота с треском рухнули, хирдманы Модвида ворвались во двор. Гости и домочадцы Логмунда отхлынули назад к хозяйскому дому.

Мигом по всей усадьбе закипели схватки, но они длились недолго. В несколько мгновений все, кто не успел скрыться, были перебиты. Двери хозяйского дома захлопнулись, и Модвид снова кричал, требуя бревно. Один удар, еще – и внешняя дверь рухнула, упала назад, вывернутая из разбитого косяка. Но за ней обнаружилась еще одна дверь, внутренняя, и к ней уже не получалось подобраться с бревном – негде размахнуться.

– Руби! Руби, троллячьи дети!– требовал Модвид и первым устремился к двери с секирой наготове.

– Не трать силы понапрасну!– К нему пробился Сэг-Гельмир и крепко взял за плечо.– Ты будешь возиться с этой дверью до рассвета. Лучше просто подожжем дом!

Модвид, сначала пытавшийся сбросить с плеча руку родича, тряхнул головой. Рассыпавшиеся и мокрые от пота волосы упали ему на лоб, из-под них лихорадочным блеском горели дикие глаза. Сейчас он был похож на берсерка.

– Верно! Мы их всех поджарим, кто не захочет сдаться. Эй!– заорал он, обращаясь к двери, из-за которой доносился неразборчиво-тревожный шум.– Пусть женщины и рабы выходят! Мы поджигаем дом! Слышите?

– Они грозят поджечь дом! Поджечь дом!– передавалось от дверей внутрь дома.

– Я не дам себя поджарить, как паршивую лису в норе!– горячился Кольбьерн, потрясая мечом. Багровый от возбуждения и ярости, он мог бы разнести в одиночку хоть целое войско.– Есть тут мужчины? Скьельд, Ярнир! Атли! Всех женщин в девичью, и открываем двери! Мы им покажем, не на таких напали! Однорукий Ас!

– Они все равно подожгут дом!– убеждал его Логмунд, тоже сжимавший рукоять меча, но в голосе его слышалось больше страха, чем ярости.– Они даже не предлагают мужчинам сдаваться, только женщинам. Мне кажется, я узнал голос Модвида!

– Модвид! Я видел Модвида, видел своими глазами!– кричал Скъельд.– Пасть Фенрира! Он пришел нам мстить за то, что мы не отдали ему Рагну! Он хочет ее забрать! Старую троллиху ему, а не ее! Я ему покажу! Открывайте двери! Мы не трусы, чтобы прятаться!

– Надо выпустить женщин,– сказал Фридмунд.– Пусть они все выйдут, тогда у нас будет больше простора и меньше визга. А следом выйдем и мы сами, пока Модвид не успеет поджечь дом. Во дворе мы с ними потягаемся.

– Я никуда не пойду!– тихо, но твердо сказала Рагна-Гейда.

Ее никто не слышал, да она ни к кому и не обращалась. Чувство сумасшедшей радости не проходило. Вдруг стало легко – впервые за долгие дни. Модвид не лучше Атли, но смерть в огне лучше той жизни, которая ожидает ее с любым из них. Узнав однажды, что такое любовь, она уже не хотела и не могла жить по обычаю, как все. Лучше умереть. Наверное, женщины, погибшие в битве, тоже попадают в Валхаллу. И уж Один не заставит ее идти за Атли, а позволит дожидаться Вигмара.

В щели потянуло запахом дыма. Женщины снова закричали, заплакали, мужчины толпой устремились к дверям, а Рагна-Гейда осталась стоять, прижавшись к стене и стиснув в руках мешочек с рунами, как свой единственный щит. То, что случится в ближайшее время, представлялось ей трудным, но необходимым испытанием, последним препятстви-

ем, за которым кончатся все земные беды. Умирать невесело, но нужно потерпеть! Это недолго. Скоро все кончится. Скоро от дыма будет нечем дышать, и люди задохнутся еще прежде, чем прогорит крыша и начнут падать стены. Скорее бы!

Хирдманы охапками тащили из хлебов и конюшни сено, солому, хворост, обкладывали стены дома. С одной стороны уже пылало, пламя быстро ползло по стене, добираясь до крыши. В широко распахнутые ворота гнали прочь коней и ревущую скотину: славная добыча!

— Подальше, подальше!— кричал Скалли, размахивая руками.— Гоните к лесу! Потом соберем, ничего! Главное, чтобы сейчас не мешали! Тащите из домов все, потом разберемся! Все равно гореть!

Усадьба Кротовое Поле была обречена. Хирдманы торопливо волокли из гостевых и дружинных домов охапки одеял, мехов, одежды, тащили сундуки, свертки полотна. Мимо Вигмара пробежал Квист сын Кетиля, прижимая к себе грудку разноцветных овчин. Сыну бонда и такая добыча казалась счастьем, и на лице парня горел настоящий восторг. Иному никогда не пришло бы в голову пойти грабить, прожил бы свой век мирно, со всеми в дружбе, но горе, если ему покажут эту дорожку и на первых порах понравится! Вигмар брезгливо отвернулся.

Нервно сжимая рукоять меча, он притоптывал по влаж-

ной холодной земле, дрожа от нетерпения. Скорее бы! Пылала уже большая часть дома, долго так держаться невозможно, сейчас они откроют дверь и начнут выходить. Стролинги, конечно, выбегут первыми. Только бы успеть, только бы встретиться в этой дикой суете с кем-нибудь из них. Вигмар как наяву видел Кольбьерна, бегущего на него с поднятым мечом и перекошенным от ярости лицом,— этот человек действительно не знает страха. Иной раз недостаток ума — преимущество. Или Ярнир, или Хальм, с которым Вигмар не раз ковал оружие в кузнице Стролингов, или Фридмунд Сказитель, которому, как видно, уж больше не петь... Или Гейр... Этот образ Вигмар попытался скорее отогнать: все-таки Гейр был не то что прочие Стролинги. Когда-то, вечность назад, они вместе бились против фьяллей...

У входа в дом послышался треск, звон железа; из сеней вылетело человеческое тело, рухнуло на землю и замерло; скользя в лужах крови, хирдманы кинулись в сени, но волна тел мгновенно откатилась назад: защитники дома вырвались наружу и наступали. В смешанном гуле яростных голосов, полных отчаяния, гнева, боли, Вигмар разобрал знакомый хриплый голос Кольбьерна и бросился вперед...

— Рагна, скорее! Идем!— Атли выскочил из клубов дыма, кашляя и прикрывая рот плащом, и схватил Рагну-Гейду за руку.— Да идем же!— отчаянно прикрикнул он, видя, что новобранная стоит у стены, как столб, и не двигается.— Здесь

есть еще одна дверь! Мы выберемся во двор, а там...

– Пусти!– Рагна-Гейда сердито рванула руку. Больше она не считала себя обязанной быть вежливой с женихом. Без привычной белозубой улыбки лицо Атли показалось ей ограниченным и тупым; она заметила, какой у него низкий лоб, и содрогнулась от неприязни.– Я никуда не пойду! Спасайся сам, если колени ослабли! Ты трус! Место мужчины – там, во дворе! Где же твоя хваленая доблесть?

Атли посмотрел на нее с изумлением в слезящихся от дыма глазах. О какой доблести может идти речь, когда крыша горит над головой? Эта женщина обезумела!

– Пойдем!– повторил он и снова хотел взять ее за руку, но девушка вновь отшатнулась.– Ты сгоришь здесь...

– Я сгорю!– с торжеством крикнула Рагна-Гейда.– И прекрасно! Мне не дали самой выбрать мужа, но уж выбрать себе смерть я смогу! И никто мне не помешает! Иди отсюда! Проваливай! Спасай свою шкуру, пока не подпалили!

У дверей в гридницу зазвенело железо, раздались крики. Нападающие добрались и сюда; Рагна-Гейда метнулась в сторону, в дальний конец гридницы, откуда дверь вела в женский покой. В клубах дыма ничего не удавалось разглядеть; кашляющие и плачущие от дыма люди натыкались друг на друга, на столы с неубранной едой, на столбы, ограждавшие почетные места, спотыкались о разбросанную посуду, о камни очагов.

Атли бросился следом за невестой и вдруг наткнулся на

мужчину в боевом доспехе, без шлема, с разметавшимися волосами и всклокоченной бородой, с безумно горящими глазами. Лицо безумца так сильно искажала ярость, что Атли отшатнулся в ужасе, не узнав Модвида. Перед ним встал сам образ неотвратимой смерти, и требовалось очень много человеческого мужества, чтобы побороть животный страх.

– Вот он ты! Я тебя ищу!– хрипло, сорванным голосом проревел Модвид.– Ты хотел взять мою невесту – ты получишь Хель вместо нее! Где она, ну? Где твой меч! Или ты не хочешь умереть с оружием?

Судорожно выпучив глаза, Атли бесполезно сжимал рукоять меча, забыв о нем, и пятился назад. Впрочем, Модвид не собирался обеспечить врагу почетную кончину: одним ударом он отрубил Атли кисть руки, сжимавшую меч; с диким, нечеловеческим воплем тот согнулся, а Модвид с хриплым вдохом замахнулся еще раз и ударил мечом по шее. Голова покатилась по полу и уткнулась в черные камни очага; тело мешком повалилось под ноги убийце.

Огромная лужа крови растеклась, как море, словно хотела преградить врагу путь. Мимо со свистом пролетел вывернутый из очага округлый черный камень, брошенный кем-то из защитников дома; Модвид быстро пригнулся, потом дико огляделся и бросился на кого-то из хирдманов, желавшего умереть достойнее, чем хозяин.

Прорвавшись к дверям дома, Вигмар споткнулся о тело

Кольбьерна с разрубленной головой. В отблесках пламени Вигмар успел бросить на него лишь один взгляд, но большего и не понадобилось: проживший славную жизнь Кольбьерн сын Гудбранда встретил славную смерть. Перед дверями образовалась такая давка, что даже меч нельзя было поднять. одни стремились в дом, другие – из дома, люди налетали друг на друга и даже не знали, свой это или чужой. Вигмара толкали в дом, и он заскочил в сени, прикрываясь сбоку щитом, чтобы не получить мечом по шее от своего же хирдмана из Модвидовой дружины.

В доме было дымно и жарко, где-то в глубине кричали люди, визжали женщины и звенело оружие.

– Женщин в гостевой дом! Наружу, в гостевой дом!– слышался где-то в клубах дыма голос Модвида.– И не трогать дочь Кольбьерна! Марку золота, кто ее найдет!

Кто-то прыгнул на Вигмара с занесенной секирой, он вскинул копье, и нападавший повис грудью на острие Поющего Жала. Страхнув тело, Вигмар в последний миг успел древком копья оттолкнуть бородача, уже занесшего меч, и нырнул в задымленные сени. Во дворе он не заметил никого из прочих Стролингов и надеялся найти их в доме.

В конце длинного узкого перехода звенели клинки; проравшись через него, Вигмар вдруг увидел прямо перед собой ткацкий стан и сообразил, что попал в девичью. Где-то за клубами дыма кашляли и вопили женские голоса, возле другой двери, откуда несло горячим сквозняком, слышался шум

схватки. От жары уже трудно было дышать, крыша угрожающе гудела и трещала: над ней бушевало пламя. Пылал второй дверной проем, двое мужчин отбивалось там от наступающих из гридницы, и в одном из них Вигмар узнал Фридамунда Сказителя.

Отбросив щит, он метнулся вперед и вдруг наскочил на женскую фигуру. Ругнувшись, Вигмар хотел отшвырнуть женщину в сторону, но та вскрикнула и вцепилась обеими руками ему в запястье. И крик этот показался настолько знакомым, что Вигмар застыл.

– Ты! – изумленно вскрикнула Рагна-Гейда, глядя на него, как на призрак. Ощущение сна опять обрушилось на нее, сном показалось и все произошедшее: пробуждение утром, поездка, свадьба, осада дома... И Вигмар! Вигмар, которого она так ждала, звала всей силой души во сне и наяву и вдруг увидела, когда уже не ждала!

– Откуда ты здесь? – крикнула она, от изумления не чувствуя даже радости.

И вдруг поняла. Ведь Хальм и Ярнир рассказали, что Вигмара, возможно, спрятал Модвид, тот самый, чьи люди ломятся сейчас во все двери и убивают ее родных...

– Я откуда? Из-под земли! – жестко ответил Вигмар. Он-то не удивился встрече: ведь Модвид ожидал найти девушку здесь. – Тебя я не трону, но с твоими родичами посчитаюсь! Пусти!

Он тряхнул рукой, но Рагна-Гейда не пускала, глядя на

него безумными глазами. Это был какой-то другой Вигмар, не тот, которого она знала.

А Вигмар смотрел на нее, и она казалась почти незнакомой: он сам так сильно переменился, что все стало иным. И почему-то под взглядом этой девушки Вигмар сам себе казался диким и отвратительным, как мертвец Гаммаль-Хьерт, хотелось поскорее бежать прочь, пока не преисполнился ненависти к себе и своим нынешним делам.

— А ты что думала?— яростно воскликнул Вигмар, не решаясь все же отбросить Рагну-Гейду с дороги, как отбросил бы другую.— Спроси у твоих родичей: где мой отец и моя сестра? Вы сожгли моего отца и убили Эльдис, а я оставляю все как есть?

— Твой отец там же, где Эггбранд!— ответила Рагна-Гейда, напоминая, что и он тоже кое в чем виноват.— А Эльдис — у Боргтруд.

— Где?— Вигмар опешил.— Вы же принесли ее в жертву!

— А ты не знал?— теперь уже Рагна-Гейда изумилась, как недавно Модвид.— Гейр забрал ее с кургана и отвез к Боргтруд. Она там! А ты... Ты пришел с Модвидом, с нашим врагом! Ты хочешь, чтобы я стала его рабыней? Ну, иди же! Зови своего хозяина!

Рагна-Гейда выпустила запястье Вигмара и отступила: на ее лице отразился гнев, в глазах впервые блеснули слезы отчаяния. Этот новый Вигмар был чужим и страшным; последняя надежда обманула, Рагне-Гейде не хотелось жить.

А Вигмар стоял, как столб, его ярость и гнев уступили место растерянности. Он узнал что-то, отчего все могло измениться, но не хватало времени это обдумать и принять какое-то решение. Переменить что-либо было поздно!

— А! Ты нашел ее!— донесся откуда-то из дыма, как из царства Хель, хриплый голос Модвида. Перешагнув через несколько тел, он выскочил из пылающего дверного проема и устремился к Рагне-Гейде. Жадное чудовище, опьяненное огнем и кровью, воплощенная злоба, лишенная в эти мгновения всего человеческого. Победа над человеческим кое-кому и сейчас представляется вершиной доблести.

И тут Вигмар сделал то, чего сам от себя не ожидал. Стремительным и точным движением он вскинул Поющее Жало, и открытое горло бегущего Модвида само налетело на острие клинка. С коротким хрипом Модвид упал на колени, в его выпученных глазах плясали отблески пламени. Из рта хлынул черный поток крови. Вигмар выдернул копье, и тело упало головой к ногам Рагны-Гейды. Она отшатнулась, словно мертвец пытался ее схватить. Вигмар быстро поймал ее руку:

— Пойдем!

Гридняца горела вся, передняя часть дома обрушилась и превратилась в один огромный костер. Узкий переход, по которому Вигмар попал в девичью, был полон густого дыма, щели меж бревен светились пламенем, горячие волны не давали дышать. Здесь толпились люди, кашляя, словно пытаясь вывернуться наизнанку, бестолково метались, рубя сво-

их и чужих, в паническом нерассуждающем стремлении выбраться на воздух. Впереди, у выхода, бушевало пламя. Вигмар кинулся вперед, копьем отшвырнул какого-то человека с тлеющими в бороде искрами, но прямо под ноги упала горящая балка, и он отшатнулся, спиной прикрывая Рагну-Гейду.

– Вигмар! Сюда!– позвал смутно знакомый голос. Вигмар не помнил, кто это, никого не видел, но внутреннее чувство говорило, что этого голоса нужно слушаться. Да и что еще ему оставалось?

– Сюда! Сюда!– звал голос из оставленной позади девичьей.

Волоча за собой кашляющую Рагну-Гейду, Вигмар вернулся в девичью. Стена, обращенная к гриднице, горела снизу доверху. И в этом пламени он вдруг увидел глаза. Знакомые золотые глаза, сверху вниз перерезанные тонким черным зрачком. На миг мелькнули очертания исполинской лисей морды, размером со всю стену: острые ушки, стоящие торчком, приоткрытая пасть, полная пламени. А потом горящая стена раздвинулась.

– Иди! Не бойся!– прозвучал голос маленькой девочки с огненными волосами, когда-то встреченной Вигмаром возле серого валуна.

Подхватив с пола какую-то тряпку, он набросил ее на голову Рагны-Гейды, вскинул на плечо ременную петлю копья, быстро обмотал плащом руку, поднял перед собой чей-

то раскаленный щит и шагнул в проем. Через море огня в гриднице образовался проход: языки пламени бушевали со всех сторон, но почему-то не встречались, оставляя посередине дорожку на ширину шага. Волоча за собой Рагну-Гейду, Вигмар пробежал через гридницу, стараясь не споткнуться о камни очагов, горящие столы и скамьи, лежащие тела. Все было раскаленным, земляной пол обжигал ноги через подошвы башмаков; Вигмар чувствовал, что ступает прямо по горящим углям, но на страх и боль у него не осталось времени. Каждый вздох казался глотком огня, и все спасение было в быстроте. Боясь, что Рагна-Гейда задохнется под тряпкой, слыша, как трещат его собственные волосы, Вигмар выскочил из гридницы и сразу оказался во дворе. Вечерний воздух холодным языком лизнул горячую кожу, хлынул в горло, как вода.

Уже горели все постройки до одной, пылали и ворота, освещая множество тел, в нелепых положениях разбросанных по всему двору. Вигмар на миг остановился, чтобы снять тряпку с головы Рагны-Гейды, и снова потащил девушку за собой. Она сильно шаталась и задущенно кашляла, словно давилась воздухом, но не падала, и это уже было много!

– Сюда! – позвал шаловливый голосок.

Вигмар метнулся к воротам, и огонь опал; едва лишь они проскочили, как воротный проем запылал с новой силой.

– В лес! Вас не заметят! – пискнула невидимая Грюла.

Вокруг горящей усадьбы расстилалась довольно широкая

пустошь, а дальше начинался лес. Пламя над крышами освещало пустошь на десятки шагов вокруг, но сейчас здесь толпилось столько людей, лошадей, ржущих от ужаса, плачущих и вопящих женщин, что никто не обратил на беглецов внимания. Свет огня слабел с каждым шагом, и скоро Вигмар и Рагна-Гейда вступили в холодную ночную тьму. Свежий воздух, полный запаха мокрых увядающих листьев, казался слаще меда; Рагна-Гейда дышала тяжело и хрипло, но Вигмар не мог остановиться и все тянул ее дальше от усадьбы.

Наконец они шагнули в темень леса. Рагна-Гейда уцепилась за дерево, пошатнулась, и Вигмар выпустил ее руку. Она упала на колени, потом села, прислонясь к стволу. У нее не осталось сил сделать больше ни шагу, грудь разрывалась, горло горело, глаза слезились от жгучего дыма.

Придерживаясь за тот же ствол, Вигмар посмотрел назад. Усадьба Кротовое Поле превратилась в огромный пламенный холм, стала единым погребальным костром всем, кто погиб в ней. И в бурных волнах пламени над крышей ему привиделась Грюла: лисица-великан танцевала над своей добычей причудливый и жуткий танец, то выгибаясь дугой, то припадая к развалинам пожарища, и все пятнадцать ее хвостов стояли дыбом, покрывая своим пламенеющим мехом все, что оставалось от усадьбы. Этот пир ей приготовила людская вражда.

Вигмар сел на землю и прижался лбом к холодной влажной коре ясеня. Он еще не осознал, что произошло, был из-

мучен, но спокоен. В нем крепло необъяснимое чувство, что он все сделал верно.

Глава 4

Еще до свадьбы Эрнольва Одноглазого и Ингирид, справленной в последние дни тинга, к Торбранду конунгу послали гонца. Эрнольв подумывал поехать и сам, но Ульврун и Ульвхедин отговорили его.

– Не покидай новую родню так быстро!– убеждали они.– Гродгард сын Кара – надежный человек, его отец служил нам целых тридцать лет. Он обо всем расскажет нашему родичу Торбранду. А ты нужен здесь. Сам Торбранд, несомненно, захочет во главе нашего войска видеть кого-то из своих приближенных.

Эрнольв легко согласился остаться: теперь, после свадьбы, его совершенно не тянуло домой. И дело было не в страстной любви к Ингирид, скорее наоборот. Он не знал, как взглянет в глаза Свангерде. А знакомить родичей с молодой женой не требовалось: они и без того знали ее хорошо. Слишком хорошо!

По замыслу, который не один день обсуждали вчетвером Ульвхедин, Эрнольв, Ульврун и Ингимунд Рысь, фьяллям и раудам следовало наступать двумя потоками. Сам Торбранд конунг, собирающий войско к Середине Зимы, должен пойти на Квиттинг через западное побережье на кораблях. Рауды собирались вести свое войско по суше через Квиттингский Север, который и был их главной целью. Позднее

они предполагали объединиться с Торбрандом конунгом и наступать на внутренние и южные части Квиттинга одним огромным войском.

Не распуская после тинга людей, изъявивших желание идти в поход, Ульвхедин ярл сразу же двинулся на юг. По пути к ним приставали новые отряды, иные догоняли, и к пограничным областям Ульвхедин и Эрнольв привели войско из трех тысяч человек.

– С такими силами можно наступать, не дожидаясь фьяллей!– говорил Ульвхедин. Похоже, он сам не ожидал, что его призыв к соплеменникам найдет такой могучий и дружный отклик, и теперь, в ожидании большой добычи и громкой славы, был счастлив, как пятнадцать лет назад, когда отец впервые выделил ему собственный корабль с дружиной.– Главное, чтобы Торбранд конунг не опоздал поддержать нас, когда мы зайдем на Квиттинг достаточно далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.